

В. А. ПЕТРОВ

СЛУГИ И ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ МОНАСТЫРСКИХ ВОТЧИН XVI в.

В числе зависимого населения крупной феодальной вотчины в Русском государстве XV—XVII вв. находилась значительная группа лиц, входившая непосредственно в состав двора вотчинника-феодала и составлявшая служилое и рабочее население вотчины. Изучение социального, экономического и юридического положения указанной группы имеет немаловажное значение для характеристики феодальных отношений внутри крупной земельной вотчины. Основная масса этого населения в светских крупных вотчинах Русского государства известна в этот период под названием холопов. В монастырской вотчине им соответствует особый слой зависимого населения, носивший наименование «людей монастырских».

Темой данной статьи является изучение происхождения, состава и положения монастырских людей в вотчинах Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей. Основанием для выбора этих монастырей для настоящего исследования является то, что до нас дошли источники, позволяющие изучить положение монастырских людей в этих монастырях за достаточно длительный период времени. Подробные сведения о составе монастырских людей Кирилло-Белозерского монастыря относятся к началу XVII в. Однако источники дают возможность проследить постепенный рост их со времени основания монастыря. Положение монастырских людей Иосифо-Волоколамского монастыря хорошо освещают источники начиная с 40-х годов и до конца XVI в.

Общежительный устав признавал обязательный личный труд монахов и запрещал пользование чужим трудом («стяжание же чужих трудов вносити каково любу отнюдь несть на пользу нам»). Такое требование, однако, не согласовалось с социально-экономическими условиями и нарушалось на каж-

дом шагу. От «черного дела», т. е. от сельскохозяйственной, ремесленной и тому подобной работы, как правило, были свободны высший слой монастырских старцев и богатые вкладчики, находившие в монастыре за свой вклад приют и пропитание. Все эти работы были уделом одной лишь рядовой братии, а также призреваемых монастырем лиц.

Так появляется в монастырях группа лиц, носящих в некоторых документах наименование «мирской чади».

Есть основание думать, что в Кирилло-Белозерском монастыре уже при жизни его основателя — Кирилла (1397—1427) появляется «мирская чадь». В Житии Кирилла сохранились известия о древоделах, которые поставили церковь, о косцах и рыболовах.¹ В документах, относящихся ко времени Кирилла, упоминаются уже посельские, дьяк, ключник и ряд других мирских лиц.² Строительные работы в монастыре во время игуменства Трифона (1435—1448) потребовали увеличения числа монастырских людей. Недостатка в рабочих руках не было, так как голодные годы, совпавшие со временем игуменства Трифона, привлекли в монастырскую вотчину значительное число разорившихся и голодающих крестьян (по словам Жития, число таких лиц доходило до 600).

Расширение торговой деятельности монастыря потребовало привлечения «наймитов».³

К 1489 г. монастырские люди, т. е. собственно дворовые люди монастыря, уже противопоставляются крестьянам.⁴

В грамотах монастыря упоминаются различные категории монастырских людей: слуги, ключники, кузнецы, плотники, а также ряд других светских лиц, выполнявших поручения монастыря.⁵

Увеличение числа монастырских людей потребовало постройки для них специального «дворца», который упоминается в одной грамоте конца XV в.⁶

¹ Мы используем текст Жития по списку ГПБ, Соф. 1322.

² Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Вестник археологии и истории, вып. XII, 1900, №№ 146, 73, 92, 147, 44.

³ Там же, № 123; РИБ, т. 2, № 24 («... или себе кого наймут наймитов заозерских людей»); см. также: Н. Н. Дебольский, ук. соч., №№ 194, 161.

⁴ «Что у них на Белоозере села и деревни монастырские, и что у них в тех селах и деревнях учнет жити христиан и их людей...» (Н. Н. Дебольский, ук. соч., № 198).

⁵ Н. Н. Дебольский, ук. соч., №№ 166, 73, 5, 163, 68, 6, 67, 166, 155, 176, 24, 7, 84, 62, 18.

⁶ «А сказывают, что деи у них отказываеи их людей монастырских серебряников з дворца и из деревень» (Н. Н. Дебольский, ук. соч., № 200; ААЭ, т. I, № 73).

Основным поставщиком рабочей силы являлось разоряемое крестьянство. Наряду со своими постоянными работниками для выполнения более квалифицированной работы монастырь приглашал мастеров со стороны.⁷

В связи со все возрастающим сопротивлением эксплуатируемых монастырем людей, а также дальнейшим расширением монастырского хозяйства потребовалось урегулировать положение монастырских людей.

Ранние монастырские уставы, определявшие внутренний строй монастырского общежития, сравнительно мало затрагивали положение в монастыре его служилого и рабочего населения. Из всех монастырских уставов на положении монастырских людей более подробно останавливается только устав Иосифо-Волоколамского монастыря, сохранившийся до нас в духовной грамоте Иосифа. Эта грамота дает возможность выяснить уже некоторые черты жизни подчиненных монастырю «слуг и робят». Из грамоты мы узнаем, что за пределами монастыря находились «дворцы служний и робячий», которыми заведовал конюший старец, и дворец, «где шведи живут», находившийся в ведении казначея. Слуги и «робята» получали корм в монастырской трапезе после обеда и ужина монахов.

В грамоте содержатся косвенные упоминания об участии монастырских людей в управлении монастырской вотчиной. Грамота запрещает «чернцу посельскому» жить в селах. Из нее узнаем, что посельские и ключники судят крестьян по селам, а те дела, которые не могут завершить, переносят в монастырь на окончательное разрешение монастырских старцев.⁸

В середине XVI в., по-видимому, устанавливается общий для всех монастырей порядок содержания монастырских людей, что нашло свое отражение в постановлениях Стоглавого собора. Стоглав содержит несколько общих постановлений по отношению к монастырским слугам. Более точный распорядок жизни монастырских людей Стоглав предоставлял установить монастырскому собору, который должен был держать слуг «по обиходу, как возможно чину монастырскому строиться».⁹

Сохранились некоторые монастырские документы, дающие возможность определить более подробно условия быта монастырских людей. Имеются в виду прежде всего так называемые

⁷ См. летописную заметку 1496 г. о построении в монастыре церкви Успения. Для этого было приглашено 20 мастеров во главе с Прохором Ростовским (Временник ОИДР, кн. VIII, «Смесь», стр. 50).

⁸ Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1868, табл. 593—594, 604—605.

⁹ Стоглав, изд. Н. И. Субботина. М., 1890, стр. 232, 233.

келарские обиходники, являющиеся составной частью кормовых книг. Древнейшие келарские обиходники Кирилло-Белозерского монастыря относятся ко времени игуменства Феодосия, Досифея и Афанасия (1525—1551). Ко времени игуменства первого из них относится составление уложения по вопросу о вкладах, внесенного затем во вкладные книги XVI в.¹⁰ К этому же времени, по-видимому, следует относить и начало составления кормовых книг вместе с составной их частью — келарскими обиходниками.

Кормовые книги, содержащие в своем составе келарские обиходники, дошли до нас в нескольких списках.¹¹

Келарские обиходники касаются вопроса о монастырских людях лишь попутно, в связи с установлением нормы выдачи им продовольственных запасов при выполнении ими определенных поручений монастыря. Дополнительные данные сообщают дошедшие до нас приходо-расходные книги монастыря, а также некоторые другие монастырские документы.

Как мы видели, уже в конце XV в. в монастыре был особый дворец для монастырских людей. Келарские обиходники упоминают уже «большой дворец» и «швальню».¹² Обиходники дают также представление о составе монастырских людей. Среди последних упоминаются слуги, дети дворцовые (или просто «дети»), швалы, а также «робята».

Высшим разрядом монастырских людей являются слуги, выполнявшие различные хозяйственные поручения монастыря. Слуг посылали на ярмарку в Холопий городок на р. Мологе,

¹⁰ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. 2. СПб., 1910, стр. 151.

¹¹ Рукописи ГПБ: Соф. 1150; Погод. 1566; Кирилл. 68—1307, 84—1322. Извлечения из них напечатаны: Куприяновым (Известия имп. Археологического общества, IV, СПб., 1863, стр. 18—23) и И. В. Беляевым (Временник ОИДР, кн. XXII, «Смесь»). Древнейшим из дошедших до нас списков является Погод. 1566. Текст этот в других списках подвергся некоторым изменениям, дополнялся новыми приговорами монастырского собора, сокращался в отдельных своих частях (например, дополнительно включены в текст списка келарского обиходника, изданного И. В. Беляевым в XXII книге «Временника ОИДР», соборные приговоры 1583, 1593 и 1594 гг.; изменено количество выдаваемых запасов в списках Кирилл. 68—1307, 93—1331, относящихся к началу XVII в., после реформы монастырского хозяйства в 1601 г., и др.). Основной текст келарского обиходника во всех списках остался без существенного изменения. Все они приводят приговор Афанасия (1539—1551), ко времени которого, по-видимому, и следует относить текст, сохранившийся в древнейшем дошедшем до нас списке.

¹² Швальня известна и из других монастырских документов 60—80-х годов XVI в. В состав ее входила изба чулочная. В XVII в. упоминаются еще кожевенная и токарная избы (Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 270, прим. 3).

на Воже-озеро за солью. В дополнительных статьях к келарскому обиходнику, ссылающихся на соборный приговор 2 марта 1588 г., указываются запасы, которые даются слугам, посылаемым весной к Холмогорам и на Турчасово. Перечисляются в этом дополнении и запасы, даваемые старцам, которые отпускаются в «задние села к пашне на все лето» (села Семеновское и Воздвиженское), причем добавлено, что слуги, посылаемые «в задние села» на приказы и на доводы, «едут с ними вместе с тем же запасом». Во всех списках приводится приговор игумена Афанасия со всеми соборными старцами «о слугах, что ездят на монастырских лошадях небрежно».

Обязанности, связанные с управлением монастырской вотчиной, монастырские люди выполняли еще в XV в. Среди монастырских людей, как мы видели, упоминаются ключники и сельские. Об этой обязанности монастырских слуг говорят духовная грамота основателя Иосифо-Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого и постановления Стоглавого собора. Как видно из Книги ключей Иосифо-Волоколамского монастыря,¹³ эта служба монастырских слуг была строго регламентирована. Книга ключей точно устанавливала срок пребывания их в селах на приказах и количество получаемых с населения поборов.

Не во всех монастырях это дело было достаточно упорядочено. Из доклада властей Троице-Сергиева монастыря 1594 г. о монастырских вотчинах, вкладчиках и служках видно, что «многие слуги жили на великих жалованьях много не по их мере, а иные мало». Был установлен определенный порядок получения слугами «в жалованья место» монастырских сел в приказ. «А жити им на жалованье год, а два года служити без жалованья».¹⁴

Вопрос об организации службы монастырских слуг в качестве приказчиков в монастырских селах был затронут в помещенном в дополнении к келарскому обиходнику Кирилло-Белозерского монастыря приговоре соборных старцев от 31 марта 1593 г., «почему крестьяном во всех селех монастырские отчины давати пошлин на монастырь».¹⁵ Этим приговором определялся доход приказчиков и доводчиков в монастырских селах.

Приходо-расходные книги монастыря 1567/68 и 1581/82 гг., а также начала XVII в. дают некоторые дополнительные све-

¹³ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948 (АН СССР. Институт истории).

¹⁴ Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троице-Сергиева монастыря о служках. Чтения ОИДР, 1867, кн. 3, стр. 47, 48.

¹⁵ АИ, т. I, № 357; Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, стр. 62—68.

дения о монастырских слугах. В них содержатся данные о присылке оброчных денег и других сборов приказчиками из монастырских сел, упоминается о получении ими денежного жалованья, о посылках их для закупки продовольствия и с другими поручениями монастыря. Наконец, эти книги дают важные сведения о военной службе монастырских слуг.¹⁶

Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. (о ней см. ниже) коснулась и положения высшего слоя монастырских людей — слуг. Из составленной в 1601 г. сметы расходов видно, что к этому году в монастыре был 91 слуга, причем 46 слуг находилось «в селех на приказах и на доводех», 45 слуг жило в монастыре год без жалованья. Все они имели «седла и саадаки и сабли и епанчи свои», «а ели и пили монастырское». Количество слуг было оставлено без изменения. Впредь было предписано во время нахождения «на приказах и на доводех» в селах «ести хлеб свой». «А съехав с приказу, учнут жити в монастыре и тем ести хлеб монастырской». После завершения общего описания всей монастырской вотчины на оставшихся пустых землях было посажено 34 монастырских слуги — «а дано им по 20 чети человеку, а им с тое пашни служити всякая монастырская служба на своих лошадех».¹⁷

Приведенные данные келарских обиходников, приходо-расходных книг и сметы расходов 1601 г., а также опубликованные материалы о слугах Иосифо-Волоколамского монастыря,¹⁸ наконец, статья З. А. Огрызко «Слуги Спасо-Прилуцкого мона-

¹⁶ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, стр. CLXXVIII. Другие сведения о слугах см. там же, в прилож. XXIII, XXIV, XXV. В расходной книге 1603/04 г. сообщается, что на государеву службу было отправлено слуг в количестве 101 человек (прилож. XXVII, стр. OCLX, л. 73). В книге 1605/06 г. говорится, что слуги участвовали на «сверской службе». На службу было израсходовано 975 руб. 24 алт. (прилож. XXVIII, стр. OCLXXV, л. 48 об.). При общем годовом расходе 2943 руб. 29 алт. с деньгой сумма расходов на военную службу составляла большой процент. Вопрос о привлечении монастырских слуг к военной службе мало затронут в литературе. Указание на порядок сбора слуг с монастырских вотчин содержится в указе Бориса Годунова 1604 г. (СГД, ч. II, стр. 164; дополнение к этому указу напечатано в «Судебнике» В. Н. Тащцева. М., 1786, стр. 233).

¹⁷ Об этом сообщает переписная книга монастыря. В ней дается именной список слуг, посаженных на пашню (Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, стр. 76, примечание). В Троице-Сергиевом монастыре в 1594 г., когда был установлен такой же общий порядок обеспечения монастырских слуг (посылка в села приказчиками), часть их осталась постоянно жить в монастырских деревнях, выполняя монастырскую службу без жалованья: «а за которыми слуги монастырские деревни не малые и пашни у них устроены не малы, и тем с тех вотчин монастырская служба служити без жалованья» (Арсений, ук. соч., стр. 48).

¹⁸ Книга ключей, а также статьи: М. Н. Тихомиров, Монастырь-вотчинник XVI в. Исторические записки, № 3, 1938, стр. 152, 153;

стыря XVI—XVII веков»¹⁹ должны окончательно устранить наблюдавшееся в нашей исторической литературе смешение слуг с другим разрядом монастырских людей — монастырскими работниками (деловыми людьми).

Уже келарские обиходники Кирилло-Белозерского монастыря сообщают об этих людях целый ряд данных. Они широко использовались монастырем на различных сельскохозяйственных работах. К этим работам привлекались как дети дворцовые (или «дети» в более раннем списке), так и швалы, т. е. мастера.

Монастырские люди участвовали в сенокосных работах. «А на верхние пожни посылают по 30 человек: з дворца большого 20 человек, а со швални 10 человек, да повар, да подповарье, да детина бруссы носит, да опосле посылают 8 робят копны возить, 5 с большого дворца, а трое со швални. И на Улому сено косить посылают по 6 человек, да повар, да подповарье». Широко использовались монастырские люди и на монастырской пашне. Были заняты монастырские люди и на огородных работах. Участвовали они и в рыбной ловле. Наконец, упоминаются 4 коровника, а также кормщик и носовщик в известии о посылке старцев в Дмитров за солью. Полагающийся им запас взывкисвался монастырским казначеем на «купчинах».

Наряду с использованием в хозяйстве монастырских людей келарские обиходники упоминают и издельные работы крестьян в монастыре: участие их в сенокосных работах, в устройстве монастырских езов, работу плотников-крестьян в монастыре.

А. Х. Горфункель подчеркивает отсутствие указания в келарских обиходниках на полевую барщину крестьян.²⁰ Основной рабочей силой, обрабатывавшей монастырскую пашню и выполнявшей другие сельскохозяйственные работы, таким образом, были монастырские люди, причем к этой работе привлекались не только низшие категории монастырских работников (дети дворцовые), но и мастера («со швални»).

Переломным моментом в положении монастырских людей и в изменении их роли в сельском хозяйстве монастыря явился

К. Н. Щепетов. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. Исторические записки, № 18, 1946, стр. 114—116; С. М. Каштанов. К проблеме происхождения феодального иммунитета. Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1959, № 4, стр. 106—121 (об организации вотчинно-административного управления по Книге ключей).

¹⁹ Из истории крестьянства XVI—XIX веков. Сборник статей. Труды Исторического музея, вып. XXVII, М., 1955, стр. 8—30.

²⁰ См. об этом в работе А. Х. Горфункеля «Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в.» (Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. II, вып. 1, серия общественных наук, 1955, стр. 93, 94).

1577 г., когда монастырь, ссылаясь на то, что в результате морового поветрия его «люди деловые повымерли», добился 19 мая 1577 г. жалованной тарханной грамоты, обелявшей монастырскую вотчину. Освобождая крестьян от уплаты государственных податей, грамота предписывала им «всякое дело делать на монастырь в монастырских в деловых людей место». Крестьяне этих вотчин постановлением монастырского собора обязывались «в монастырь по вся лете монастырское дело делать». Основной повинностью монастырских крестьян стала распашка монастырской пашни по общепринятой тогда в феодальном хозяйстве норме: по десятине на выть.

Дальнейшее усиление барщины относится к началу XVII в. — основной повинностью крестьян становилась распашка на монастырь пашни по 2 десятины на выть. К этим годам относится перестройка всего хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря. Было изменено и положение монастырских людей.²¹

Обратимся к характеристике того разряда монастырских людей, которые в келарских обиходниках Кирилло-Белозерского монастыря назывались швалями и детьми дворцовыми.

Расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1567/68, 1581/82 гг., а также книги начала XVII в. позволяют уточнить данные келарских обиходников. Они прежде всего расшифровывают значение термина «швали», под которым разумелись различные мастеровые люди монастыря, жившие на швальне.²²

В расходной книге 1567/68 г. на швальне перечисляются портные мастера, крестечники, ложечники, токаря, сапожники, кожевники и «малые робята» ученики.²³ В этой же, а также в книге 1581/82 г. упоминаются кузнец Борис и его ученик,²⁴ котельник,²⁵ плотники,²⁶ седельники. Часть мастеров получала годовой денежный оброк.²⁷ Кроме работы на монастырь, мастера по поручению монастырских властей производили покупку необходимых предметов.²⁸ Очень важно указание прихода-расходных книг на существование учеников у мастеров — своеобразную форму подготовки квалифицированных мастеров.

²¹ Подробно на этой реформе, целью которой было обеспечение роста доходов монастыря за счет усиления эксплуатации крестьян, останавливается А. Х. Горфункель (ук. соч., стр. 105—111).

²² Ср. дворец, где «швеи живут», в Иосифо-Волоколамском монастыре.

²³ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXIV, стр. OLXXX, л. 7 об.

²⁴ Там же, стр. OXCVII, л. 49.

²⁵ Там же, прилож. XXV, стр. OCIII, л. 4 об.

²⁶ Там же, стр. OCVII, л. 18 об.

²⁷ «На швалну оброчным мастером за платье годового оброку 33 человаком 31 р. 15 алт. 4 д.» (там же, стр. OCXI, л. 32).

²⁸ Там же, стр. OCII—OCIII, лл. 2, 4 об., 7 и др.

Как и в келарских обиходниках, мастерам (тогда швалям) противопоставлялись дворцовые люди (в келарских обиходниках — дети или дети дворцовые, а также дворцовые люди). В отличие от мастеров они получали не годовой оброк, а деньги за рубахи 3 раза в год («рождественские», «великоденские» и «успенские» или «оспожинские» рубахи). Вместе с ними такое же денежное обеспечение получали слуги «нежалованные» (т. е. слуги, не находившиеся на сельском жалованье), «безоброчные мастера», а также «шеваленные робята ученики».

Более подробно положение монастырских людей освещают так называемые оброчные книги (т. е. книги выдачи оброка монастырским людям). До нас дошли оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря за большой период времени (с 1547 по 1593 г.), некоторые из них (за 1547—1559 гг.) были опубликованы в указанной выше Книге ключей.²⁹ Оброчные книги были и в Кирилло-Белозерском монастыре, но они до нас не дошли.³⁰ В докладе 1594 г. властей Троице-Сергиева монастыря приводится содержание указа царя Федора Ивановича о порядке содержания слуг и служебников в монастыре. В указе предлагалось «имати по них поруки и писати их в книги, да к тем книгам поручникам их велети руки свои прикладывати, да и самим им руки свои прикладывати ж, которые грамоте умеют, то на них и крепости».³¹ Оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря и были такими книгами, содержащими указание на поруку, однако не оформленными подписями поручителей.³²

В оброчных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря существовали также две такие группы монастырских людей, как и в Кирилло-Белозерском монастыре, однако, в отличие от последних, обе эти группы получали годовой денежный оброк. Выдача оброка записывалась мастерам отдельно от остальных

²⁹ Оброчные книги 1573—1593 гг. подготовлены ЛОИИ к печати для I тома издания «Вотчинные хозяйственные книги XVI в.». Учитывая, что книги эти будут опубликованы и снабжены именным указателем, в дальнейшем будем ссылаться лишь на названия книг.

³⁰ В расходной книге 1567/68 г. встречаем запись о том, что повару Бушману было выдано 3 алтына за рождественские рубахи и за ногавицы, потому что «он проездил с игуменом с Москвы, в оброчных книгах не написан» (Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXIV, стр. OLXXXIX, л. 27).

³¹ Арсений, ук. соч., стр. 48.

³² В Спасо-Прилуцком монастыре вместо оброчных книг существовали порядные книги, составлявшиеся в начале каждого года, о чем сообщает такая запись в расходных книгах 1594 г.: «Поряжены детеныши и швали и конюхи и всякие служебники в новом году на монастырскую службу, и дано им в месяце в ноябре наперед найму по их порядным книгам» (рукопись ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 61, № 222, л. 1—1 об.).

монастырских людей: детей, плотников, конюхов, сторожей, истопников, дворников.

Документы Кирилло-Белозерского монастыря дают некоторый материал о количестве монастырских людей. В расходной книге 1581/82 г. записана выдача годового оброка 33 мастерам и денег за «рождественские рубахи» 288 дворцовым людям.³³ Сюда входят и слуги «нежалованные»; таких слуг в 1601 г. было 45 человек. Поэтому общее количество монастырских людей может быть приблизительно определено в 276 человек. Ко времени составления сметы 1601 г. их было 401 человек. Число их было сокращено до 300 человек, т. е. до того примерно количества, которое было в 1581 г. Расходные книги как 1567/68 г., так и 1581/82 г. содержат многочисленные записи об обращении монастыря с заказами на необходимые ему предметы ремесленного производства на сторону к своим же крестьянам-ремесленникам и к посторонним лицам, уплачивая им «от дела» или «могорца». К выполнению различных работ, в частности сельскохозяйственных, монастырь привлекал людей и на короткие сроки. На такое же положение в Иосифо-Волоколамском монастыре впервые обратил внимание М. Н. Тихомиров.³⁴ Приведя это важное наблюдение М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушин дополняет их материалами других монастырей.³⁵ Ссылаясь он также на работу Б. Д. Грекова о Новгородском Софийском доме,³⁶ в которой говорится о резком сокращении числа вотчинных ремесленников к концу XVI в. Это приводит С. В. Бахрушина к заключению о том, что вотчинное ремесло уже не удовлетворяет потребностей крупного хозяйства и уступает место вольному ремеслу.

Оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря показывают, что количество монастырских людей, возросшее с 1547 по 1559 г. со 103 до 131 человек (не включая сюда дворников и истопников в монастырских селах), в 70-е годы резко падает и к 1579 г. доходит до 99 человек. При этом особенно уменьшилось по сравнению с 1559 г. количество мастеров: портных было в 1559 г. 13 человек, в 1579 г. — 6; сапожников — соответственно 8 и 4 человека, посошников (кочережников) в 1559 г. — 2 человека (в 1547 г. — 5 человек), в 1579 г. — 1 человек; плотников в 1559 г. — 13 человек, в 1579 г. — 6; количество же детей (в 1579 г. — детенышей)

³³ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXV.

³⁴ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 151, 152.

³⁵ С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. Научные труды, I, М., 1952, стр. 26—29.

³⁶ Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. ЛЗЭК, вып. XXXIII, XXXIV.

с 1559 по 1579 г. уменьшилось с 50 до 40 человек.³⁷ Эти цифры подтверждают общую тенденцию к падению значения вотчинного ремесла.

Смета расходов, составленная в 1601 г. во время пересмотра хозяйственного положения Кирилло-Белозерского монастыря, сообщает целый ряд данных о положении монастырских людей. Монастырских служебников и мастеровых людей к моменту составления сметы было 401 человек. Получали они «годового» «за платье» 460 руб. и 27 алт. с деньгой. Число их было сокращено на 101 человек. В смете указано: «В монастыре ж всяких служебников и детенышев и мастеровых всяких людей 300 человек. А годового им за рубашки и за сермяги и за шубы 300 рублей, по рублю человеку». Детеныши в составе монастырских людей упоминаются только в этом месте сметы. В других ее местах среди 300 человек перечисляются лишь служебники и мастеровые люди, соответствовавшие прежним дворцовым людям и швалям, или мастерам.³⁸ Значение термина «детеныш» как одной из групп среди низшего разряда монастырских людей раскрывает переписная книга монастыря, составленная в 1601 г. одновременно со сметой.

Общее наименование для низшего разряда монастырских людей, кроме мастеров, в указанной переписной книге — деловые люди. Книга эта, наряду со сметой 1601 г. и приходо-расходными книгами последующих лет, позволяет значительно подробнее познакомиться с условиями жизни монастырских людей.³⁹

Основная масса монастырских людей проживала на монастырских дворах, находившихся за оградами монастыря. «Большой дворец» и «швальня» упоминались, как мы видели, уже в келарских обиходниках. В переписной книге 1601 г. дается более подробное описание этих дворов: «двор служен в длину 34 сажени, а поперек 16 сажен, а на дворе хором: 3 избы по 5 сажен, живут в них монастырские слуги и деловые люди, на дворе ж 30 служних клеток рубленых на подклетах», «да пять клеток niskие». За двором «служних же: горенка на подклете да повалушка на подклете ж, а меж ими сенцы дощатые, вверху сеней чердачек, да 6 изб niskих».⁴⁰ Часть слуг,

³⁷ См. таблицу на стр. 152—153.

³⁸ В приходо-расходных книгах последующих лет эти категории монастырских людей называются дворовыми людьми и мастерами.

³⁹ Переписная книга Кирилло-Белозерского монастыря. Рукопись ГПБ, Кирилл. 71—1310.

⁴⁰ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 1, стр. 268, прим. 3 — это, конечно, и есть упоминаемый в келарских обиходниках большой дворец.

таким образом, жила уже в отдельных помещениях. Кроме этого двора, упоминается «за меньшим монастырем с московского приезде двор, а живут на нем мастеровые люди: иконники, токарники, оконешники, портные мастера, сапожники, кожевники и всякие мастеровые люди».⁴¹ На этом дворе находилось 6 изб, 12 клеток рубленых, 2 амбара (в одном хранились кожи и изделия из них, в другом «кладут кожевники дуб»); в амбаре за двором «держат токари вязовое и березовое, в которых суды делают». Тут же находился «двор кузнишной», на нем 3 избы, да 10 чуланов рубленых и дощатых. Тут же находилась изба, «а держат в ней уголье». Кроме двора «кузнишного», за пределами двора мастеровых находились «3 избышка невелики», в одной «живут плотники монастырские», другие две пустые, «а жили в них каменного дела мастера».⁴²

Производственные мастерские находились внутри монастырской ограды. Переписные книги упоминают амбар, «а в нем делают бочкари», «полатка камена, а в ней делают котлы медные», «полата кузничная» (в ней 7 горнов, 7 мехов больших, 7 наковален), «делают в них всякое железное дело»; за монастырем «изба да клеть», «а делают в них временем серебряные мастера». На санном дворе в одной избе «делают сани». В Глухой башне была приделана «воскобойная полата», под башней «воск бьют». Около служного дворца находилась палата, «а ростят и сушат в ней солод». Упоминается келья каменная, «делают в ней свечи».

Подробно описывается в переписной книге хлебня и поварня, для обслуживания которых требовалось большое количество работников. В хлебне было 2 печи больших, «а пекут в них ис трех квашней, а в квашне растворяют по пяти четвертей муки, да в четвертой квашне растворяют в те три квашни на роствор по две четверти муки». В каменной поварне было «6 очагов котельных» «да ошесток, на чем ести варят про братию».

Служebníки монастырские жили не только на «служнем дворе», но и при различных службах монастыря. За монастырем был «двор конюшенный», на нем изба, «живут конюхи и детеныши, которые стряпают у лошадей». В самом монастыре

⁴¹ Там же, стр. 270, прим. 2, 3.— В более ранних источниках двор этот носит наименование швальни; под таким же названием этот двор отмечен и в приходо-расходных книгах последующих лет.

⁴² В оброчных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря уже в 1547—1559 гг. упоминаются: служня изба, детин дворец, или «детина изба», портная изба (и шваленная изба), сапожная изба, кузнечный дворец, плотникова изба (в 1551 г.), кочережникова изба (в 1557 г.), рыболова изба (в 1559 г.); см.: Книга ключей, по указателю под словом «истопники».

около поварни в келье жили служебники (в другом месте они же называются детенышами). «В меньших воротах» находилась «сторожня», «живут сторожа для береженья», рядом находилась палатка, «живут в ней сторожи, которые со старцем у ворот берегут». Около одной из башен была келья, «живут монастырские детеныши, которые солод роят»; тут же находилась келья, в ней «детеныши, которые моют на братью свитки». Упоминается также «воскобойная палата», в ней «живут старцы и служебники, которым приказана воскобойня», у озера находилась палата, «где рыболове живут», на огороде прожил огородник и детеныши.

Кроме мастеров и служебников, в монастыре проживали призываемые монастырем лица. На дворе санном в избе жили «41 человек нищих, кормят их из монастыря», в другой избе «живут робята пустошки, а кормят их монастырским хлебом». Около «кузнишного» двора находилась еще изба, где жили 7 нищих.⁴³

Некоторые монастырские люди проживали по разным селам монастырской вотчины. В описи монастырской вотчины 1601 г. говорится о монастырских плотниках, проживавших в дер. Каргово.⁴⁴ В расходных книгах XVII в. (начиная с 1603 г.) упоминается Коровья деревня, в которой проживали 4 коровника и одна коровница, получавшие из монастыря деньги за рубахи.⁴⁵ В числе дворовых людей, получавших деньги за рубахи, в расходной книге 1605/06 г. упоминается один, который «в Новой Ерге живет».⁴⁶ Наконец, в расходных книгах отмечена выдача дворовым людям денег за рубахи и другое платье в разных селах монастыря: дмитровских и тверских селах, селах Кобаново, Колкач, Сизма, Стретенское, Тероботунь, Вильгозщи и др.⁴⁷

Переписные книги не сообщают количества работников, обслуживающих отдельные отрасли монастырского хозяйства. Не перечисляют они также все специальности монастырских вотчинных ремесленников. В дошедших до нас расходных книгах начала XVII в. помещены именные списки всех монастырских

⁴³ Рукопись ГПБ, Кирилл. 70—1310.

⁴⁴ Кирилл. 70—1309, л. 4 об. — Может быть, это те плотники, которых упоминают келарские обиходники и которые отпускались из монастыря во время сезонных крестьянских работ. В переписной книге о них сказано: «оброку с них в монастырь не емлют, потому что они делают в монастыре всякое плотничное дело».

⁴⁵ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXVII, стр. ОСXXXV, л. 88.

⁴⁶ Там же, прилож. XXVIII, стр. ОСXIII, л. 13 об.

⁴⁷ Там же, стр. OCLXXI, OCLXXVIII, OCLXXII, OCLXXX, OCLXXXIV, лл. 39, 61 об., 41, 38, 66, 79.

людей при записи о выдаче им оброка или денег за рубахи. К сожалению, в именных списках не всегда указана специальность мастеров. Так, в 1603 г. из 29 мастеров названы специальности только 15 человек, в 1606 г. из 48 человек — только 28.

В 1603 г. среди 15 мастеров названы сапожники (2 чел.), кузнецы (3 чел.), токари (3 чел.), кочережник (1 чел.), крестечник (1 чел.), кожевники (4 чел.), суконник (1 чел.). В книгах 1606 г. названы еще ложечники (2 чел.), седельники (2 чел.), полстовал (1 чел.), судописцы (2 чел.), кузнецов названо уже 5 человек (вместо 3). Отсутствует в списках крестечник.

Среди специальностей не названы портные (швали), которые, конечно, в монастыре были и которые названы в других источниках.

В группе людей дворовых, куда, как мы видели, входили «безоброчные мастера» и ученики мастеров, помимо указанных выше специальностей названы еще свиточник (т. е. портной, занимавшийся шитьем свиток; это свидетельствует о специализации отдельных видов ремесла) и овчинник. Упоминаются также бочкари (одна из специальностей плотников; как и в других монастырях, плотников обычно в группу мастеров не включали). За 1603, 1605, 1606 гг. поименно названо 6 учеников. Все эти хотя и неполные данные являются все же показателем усиления значения вотчинного ремесла в начале XVII в., что могло быть обусловлено нарушением нормальных условий хозяйственной жизни в период начавшейся крестьянской войны. Об этом свидетельствует и то, что в указанные годы монастырь реже обращается к не связанным с ним ремесленникам.

Перечень специальностей мастеров Кирилло-Белозерского монастыря значительно шире, чем Иосифо-Волоколамского, что обусловлено было тем, что Кирилло-Белозерский монастырь был одной из крупнейших церковных вотчин XVI в.⁴⁸

Уже в первой половине XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре были почти все разряды монастырских людей, которые встречаются в книгах 1573—1593 гг. В них упоминаются: портные, сапожники, плотники (включая бочарников и колесников; эта группа, как и в Кирилло-Белозерском монастыре, не включалась в состав мастеров), мельники (имеются в виду

---

⁴⁸ Значительно шире были представлены вотчинные ремесленники Троице-Сергиева монастыря в его подмонастырском селе Клементьево (С. В. Бахрушин. Возникновение городских поселений в XVI в. Научные труды, I, стр. 118—120).

в первую очередь мельничные плотники),⁴⁹ кузнецы, ложечники, кочережники (изготавливали посохи и кочереги); среди других монастырских людей — стрельцы, конюхи, скатерник (занимался стиркой скатертей),⁵⁰ повара, истопники, сторожа, рыболовы, воловики, детеныши (до 1559 г. — «дети»). Эпизодически упоминаются ясельничий, островщики, иконники (в 1592/93 г.), каменщики (в 1587/88 и 1592/93 гг.). Из перечисленных лиц этой категории в оброчных книгах 1547—1559 гг. не встречаются стрельцы, ложечники, котельники, седельники; зато упоминаются книжник, крестечник, замочники.⁵¹

Смета и переписная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., а также приходо-расходные книги начала XVII в. позволяют точнее определить значение различных наименований монастырских людей. В числе низшей категории монастырских людей выделяются две группы, соответствовавшие прежним детям дворцовым и швалям. В смете они называются служебниками и мастеровыми людьми, в переписной книге — деловыми людьми (а также служебниками и детенышами) и мастеровыми людьми, в приходо-расходных книгах — дворовыми людьми и мастерами.

Более подробное перечисление различных категорий монастырских людей дается в переписной книге. Здесь, в частности, можно видеть, что детенышами в самом узком смысле этого слова назывались те категории монастырских людей, которые

⁴⁹ См.: Б. Д. Греков. Очерки по истории Новгородского Софийского дома. ЛЗАК, вып. XXXIII, стр. 225.

⁵⁰ Там же, стр. 223.

⁵¹ В одном источнике, характеризующем внутренний строй вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря, — Обиходнике игумена Евфимия Туркова — содержится известие о том, как должны были сидеть в трапезе монастырские люди. М. Н. Тихомиров обратил внимание на своеобразную иерархию монастырских людей (М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 151 — приведен текст Обиходника). В большой трапезе сидели слуги, затем («а под ними — 2-е») портные («мастеры, все шевцы»), сапожники, стрельцы, конюхи из дворца, за детьми нарядчики; в другой трапезе — плотники большие, кузнецы «а под ними дети — сиречь деловцы черные» (на полях написано «детеныши»), истопники, воротники и сторожа. Если обратиться к оброчным книгам за 1588—1590 гг., то порядок следования в ней записей о выдаче оброка отдельным разрядам монастырских людей примерно соответствует порядку расположения этих людей в трапезе. Кроме того, только в этих книгах впервые записи о выдаче оброка расположены в определенном порядке, по отдельным группам монастырских людей. В эти же годы, по-видимому, был произведен пересмотр размера денежного оброка отдельных категорий работников. Можно предположить, что составление Обиходника относится именно к этому времени. Евфимий Турков был игуменом с 26 июля 1575 г. по 1587 г. После него в течение трех с половиной месяцев был игуменом Варлаам Белковский, а затем в том же 1587 г. в течение пяти месяцев вторично Евфимий Турков (умер в 1587 г.).

занимались наименее квалифицированным трудом. Детеныши упоминались как помощники конюхов, они работали в поварне (в одном месте эти же детеныши названы служебниками), у огородника, «солод ростят», «моют на братью свитки».

В приходе-расходных книгах при перечислении расходов на содержание дворовых людей детеныши не упоминаются. В более ранних источниках — келарских обиходниках мы встретили термин «робята» (например, «робята, которые копны возят») для обозначения лиц, занятых на подсобной работе.

Рассмотрение оброчных книг Иосифо-Волоколамского монастыря позволяет уточнить значение термина «детеныши». Как уже отмечено выше, детеныши как название определенной группы монастырских людей появляются в оброчных книгах с 1573 г.

В результате работы М. А. Дьяконова, которому принадлежит первый основательный очерк о детенышах,⁵² и Б. Д. Грекова⁵³ в нашей литературе прочно установилось мнение о том, что детеныши и дети — тождественные понятия.⁵⁴ В такой форме это утверждение, однако, не подтверждается источниками. Термин «дети» в отношении монастырских людей является очень рано, он может быть сближен с термином очень древнего происхождения — «чадь». Детьми (или детьми дворовыми), как мы видели, называлась в келарских обиходниках Кирилло-Белозерского монастыря достаточно значительная группа монастырских людей, противопоставляемых мастерам. В челобитной властей Антониево-Сийского монастыря 1543 г. детьми назывались даже все вообще монастырские люди.⁵⁵

Как обозначение работников, занимавших определенное служебное положение в монастыре, наименование «детеныши» встречается в отрывке расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря, которые издатели относят условно к 1553 г.;⁵⁶ там этот термин, однако, еще очень неустойчивый. Одно и то же лицо названо и «поваренным детенышем» и «поваренным детиной»;⁵⁷ встречаются наименования «трапезный малый» и «трапез-

⁵² М. А. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). ЛЗАК, вып. XII, стр. 295—321.

⁵³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 695—711.

⁵⁴ М. А. Дьяконов прямо пишет: «Памятники XVI и XVII веков в составе населения монастырских вотчин упоминают детенышей, реже называемых также детьми или детьми» (М. А. Дьяконов, ук. соч., стр. 245).

⁵⁵ См.: Сборник ГКЭ, т. I. Пгр., 1922, № 97, стлб. 99 — «И старцов и детей их монастырских».

⁵⁶ Сборник Археологического института, кн. 6, СПб., 1898, стр. 127—137.

⁵⁷ Там же, стр. 127, 128, 132.

ный детина».⁵⁸ В то же время все монастырские люди, кроме слуг, включая и детенышей, названы «детьми деловыми». В оброчных же книгах Иосифо-Волоколамского монастыря 1547—1559 гг. «детьми» называется обособившаяся от других монастырских людей (плотников, конюхов, истопников, дворников) группа монастырских работников, значение которой определяется словами Обиходника Евфимия Туркова: «дети, сиречь деловцы черные» (на полях — «детеныши»). Поэтому только в отношении «детей» Иосифо-Волоколамского монастыря правомерно отождествлять их с «детенышами», как эта группа монастырских людей и называется в оброчных книгах 1573—1793 гг.⁵⁹

Появление нового наименования отнюдь не случайно. Б. Д. Греков совершенно справедливо отмечает, что писцовые книги заговорили о детенышах довольно поздно. Он связывает это с изменением характера ведения сельского хозяйства в крупных вотчинах, со стремлением феодалов к расширению владельческой запашки. Несомненно, что крестьянское разорение, вызванное кризисом 70—80-х годов XVI в., обусловило появление в монастырских вотчинах значительного числа малолетних — сирот и детей разорившихся крестьян, которых монастыри смогли использовать для обслуживания своего двора и обработки пашни. Термин «детеныш», имевший первоначально бытовое значение, приобретает характер определенного социального явления. Он стал применяться не только к малолетним, но и к взрослым людям, вынужденным из-за разорения поступать на любую работу.⁶⁰

В конце XVI в. в документах некоторых монастырей термин «детеныш» получает уже очень широкий смысл, обозначая нередко весь низший разряд монастырских людей. Так, в выписи

⁵⁸ Там же, стр. 128, 130.

⁵⁹ «Детьми» называются монастырские люди, принятые в Спасо-Прилуцкий монастырь для выполнения «дела черного» по служилым кабалам 1568/69 и 1569/70 гг., опубликованным В. Г. Гейманом в приложениях к статье «Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, Пгр., 1924, стр. 288—289). Прилож. № 12: «А за рост мне... служить в детех на дворце, всякое черное дело делати з детьми»; № 13: «А за рост мне... жити во дворце в детех и всякое дело черное делати, что нарядник укажет». Эти цитаты дают основание предполагать, что «детьми» и в Спасо-Прилуцком монастыре назывались подсобные монастырские работники, которые в монастыре делали «черное дело».

⁶⁰ Ср. также приводимое М. А. Дьяконовым сообщение писцовых книг 1612 г.: «монастырские детеныши... а преж сего были в том же селе во крестьянех, и от литовского разорения и от великих податей и от казенных кормов обмододали (разрядка наша, — В. П.), пашни не пашут, и та их пашня пуста» (М. А. Дьяконов, ук. соч., стр. 300).

из писцовых книг Архангельского монастыря 1586/87 г. указано: «за городом дворец, а живут в нем детеныши», деревня Черная, в нем два двора, «а живут в них монастырские детеныши».⁶¹ В грамоте того же монастыря 1594 г. упоминаются слуги, крестьяне и детеныши.⁶² В документах официального происхождения в XVII в. указанный термин обозначает весь низший разряд монастырских людей. «Служки и детеныши» — единственные термины, употребляемые в этих документах для обозначения монастырских людей. Так обозначались они и в писцовых наказах, начиная с наказа 1646 г.⁶³

Однако в документах монастырских архивов для обозначения низшего разряда монастырских людей употреблялись как в XVI, так и в XVII в. самые разнообразные термины: деловые люди, дети, детинки, робята, детеныши, служебники, трудники, работники, работные люди. При этом нередко один термин заменялся другим.⁶⁴

В своем очерке о детенышах Б. Д. Греков, соглашаясь с мнением М. А. Дьяконова, считает, что детеныши прежде всего и чаще всего пашут монастырскую владельческую запашку, хотя привлекаются и к другим работам. Особенно много данных об использовании детенышей для обработки монастырской пашни сохранилось в писцовых книгах конца XVI в., описывавших вотчины Троице-Сергиева монастыря.⁶⁵

Такое представление о детенышах прочно установилось в литературе. Так, в примечании к изданным во II томе «Исторического архива» отрывкам расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря детеныш прямо определяется как «монастырский сельскохозяйственный рабочий в Иосифовом монастыре, преимущественно сезонный». В указанной выше статье К. Н. Щепетова рост числа детенышей прямо связывается с ростом собственной монастырской запашки. В противоречии с собственным утверждением о том, что монастырь первоначально не стремился заводить свою запашку, этот исследователь приводит цифры количества детенышей по годам, начиная с 1548 г., утверждая, что детеныши, обрабатывавшие монастырскую

⁶¹ Сборник ГКЭ, т. I, № 311.

⁶² Там же, № 343.

⁶³ ААЭ, т. IV, № 14; ПСЗ, III, № 1074; см. также: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 231.

⁶⁴ Так, например, в документах Архангельского монастыря в 1586 и 1594 гг. низший разряд монастырских людей, как мы видели, назывался детенышами. В грамоте того же монастыря 1596 г. эта же группа монастырских людей называется трудниками (Сборник ГКЭ, т. I, № 355: старцы, слуги, трудники и крестьяне).

⁶⁵ Ссылку на данные этих писцовых книг см.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 706, 710, 711.

пашню около монастыря, назывались дворцовыми, а обрабатывавшие земли в волости — сельскими.⁶⁶ Подробный анализ оброчных книг 1573—1593 гг. позволяет внести в эти представления значительные коррективы.

Прежде всего следует отметить, что оброчные и приходо-расходные книги резко отличают собственно детенышей, живших на монастырском дворе, от детенышей, работавших в селах. Эти последние не всегда заносились в оброчные книги.⁶⁷ В оброчной книге 1588/89 г. записи о выдаче им оброка помещены в особом разделе книги под заголовком «Дворники, истопники и дети». Впервые в книге 1589/90 г. они прямо названы сельскими детенышами. В отличие от детенышей, работавших в монастыре, они большей частью записывались не поименно.⁶⁸ Иногда деньги «за пахоту» выплачивались дворнику (например, в селах Трызнове и Успенском). Такого же рода записи встречаются и в книге 1589/90 г.

В случае поименного перечисления детенышей указывались поручители за них. Иногда поручителями были приказчики, взывшие на них деньги.⁶⁹

Сельские детеныши поступали в монастырь на время полевых работ, с февраля—марта до Филиппова заговенья (15 ноября). Заработная плата, выдаваемая этим детенышам, в оброчных книгах носит название найма, в отличие от оброка, уплачиваемого работникам, поступавшим в монастырь на более длительные сроки. Детенышам уплачивался наем⁷⁰ обычно два раза: первая половина при начале работы, а другая — по ее окончании. См., например, такую запись: «Тово ж месяца в 31 день дано посельному старцу Якиму Шевелеву 6 рублей и пол-30 алт., давати ему те деньги по селам детенышем. А дана им половина найму, а другая половина дать, как они отживут».⁷¹ На таких же условиях платился наем «животинным пастухам».⁷²

⁶⁶ К. Н. Щепетов, ук. соч., стр. 99, 100, 103.

⁶⁷ Не занесены они в оброчные книги 1575/76, 1579/80 и 1581/82 гг. Сведения о них за эти годы можно почерпнуть из расходных книг.

⁶⁸ Так, в книге 1588/89 г. встречаются такие записи: «В подмонастырские села Буйгород, в Ыльцино, в Отчищево, Новое село старцу Ворсонофью Луковниковскому 13 человекам детенышам да 4 пастухам оброку 6 руб. с четью». Там же имеется следующая запись: «Елинарховскому детенышу 2 гривны».

⁶⁹ 17 мая 1589 г. в записи о выдаче оброка трем детенышам в с. Успенском сказано: «Деньги взял приказчик Иван Лапшин, и порука — он же».

⁷⁰ См.: расходная книга 1575/76 г., л. 103 об.; расходная книга 1581/82 г., л. 79.

⁷¹ Расходная книга 1575/76 г., л. 103 об.

⁷² Там же.

Аналогичный порядок выдачи части найма вперед видим и в практике других монастырей (например, Спасо-Прилуцкого). Поэтому приводимый М. А. Дьяконовым случай найма детенышей в вотчине архиепископа Вологодского и Велико-Пермского Макария в 1618 г. с уплатой половины денег вперед вовсе не был исключением из общего правила, как отмечает Б. Д. Греков.⁷³ Постепенно устанавливается определенная сумма найма за летнюю работу детенышей — 30 алт. без гривны (в переводе на годовую плату 1 руб. 6 алт. 2 деньги, выше средней годовой оплаты монастырских людей). В состав сельских детенышей поступали и местные крестьяне, о чем свидетельствует такая запись: «Тово же дня (17 XII, — В. П.) дано в Ангилове ж детенышо Ортюшке Левонтееву сыну 10 алтын оброку, а еще ему додано 15 алтын. Поруча по нем Алексей Скрябин (приказчик, — В. П.) да ангиловской крестьянин Ерема Иванов».⁷⁴ Среди детенышей были и посторонние монастырю люди, в том числе боярские холопы. 20 марта 1574 г. было дано 1½ руб. Федору Куракинскому человеку и его сыновьям Гришке и Бориске. Характер записей о выдаче найма сельским детенышам (не всегда указывалось количество нанятых на определенную сумму детенышей) дает, однако, возможность, хотя и далеко не точно, определить количество детенышей в каждом году. Вот примерные цифры количества детенышей по годам.

- В 1574 г. — 13 детенышей и 1 «женка», обязанная «молотить на монастырский обиход», 2 казака.
- В 1576 г. — 19 детенышей, 2 пастуха, 1 наймит.
- В 1580 г. — 15 детенышей и 4 пастуха.
- В 1582 г. — 40 детенышей, 4 пастуха и 1 «охотник с Кондратьевской с монастырской пашни».
- В 1588 г. — 25 детенышей и за пахоту за 3 детеныша.
- В 1589 г. — 38 детенышей, 4 пастуха.
- В 1592 г. — 26 детенышей, 4 пастуха.

Кроме того, монастырь уплачивал «за жатву» по гривне за десятину⁷⁵ и крестьянам «от молоченья».⁷⁶

Некоторых детенышей монастырь сажал на пашню в крестьяне. В расходной книге 1579/80 г. есть такая запись: «Да Леонид же рубль дал в Отчищеве, Ефимку на избу, сел на пашню на пусто на четь выти».⁷⁷ В приходе-расходной книге 1592/93 г.

⁷³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 703.

⁷⁴ Оброчная книга 1573/74 г., л. 156.

⁷⁵ Расходная книга 1581/82 г.

⁷⁶ Расходная книга 1573/74 г.

⁷⁷ Расходная книга 1579/80 г., л. 111—111 об.

имеются две записи о выдаче подмоги детенышам, севшим на пашне «в старожильцах».⁷⁸

Начиная с 1591 г. Иосифо-Волоколамский монастырь постепенно стремится изменить порядок обработки монастырской пашни путем усиления барщинной работы крестьян. Возможно, что в связи с этим в 1592 г. уменьшается количество сельских детенышей. Усиление барщины, а также попытка принудительного кредитования крестьян были причиной волнения монастырских крестьян в 1594/95 гг.⁷⁹

Широко использовался труд временных работников в летнее время в Спасо-Прилуцком монастыре. В монастыре существовали специальные порядные книги на отдельных работников, в том числе детенышей.⁸⁰

В Кирилло-Белозерском монастыре сельских детенышей мы можем найти среди тех дворовых людей, которым выдавались деньги в отдельных монастырских селах, а также среди работавших на пашне казаков. В расходной книге 1603/04 г. записано, например, что старец Паисий Лопухин в селе Сальникове покупал холсты казакам на рубахи и казакам давал задаток.⁸¹

Каково же было положение основной массы детенышей (не сельских)? Из переписной книги Кирилло-Белозерского монастыря мы видели, что детеныши использовались в качестве подсобных работников на разных монастырских службах. Мы имеем полное основание утверждать, что так же использовались детеныши и в Иосифо-Волоколамском монастыре. При записи о выдаче оброка иногда прямо указывалась их профессия: воловик, на мельницу детеныши, поваренный. Профессия детенышей

⁷⁸ На эти записи обратил внимание И. И. Смирнов в статье «К вопросу о старожильцах» (Вопросы истории, 1946, № 8—9, стр. 97).

⁷⁹ К. Н. Щепетов, ук. соч., стр. 100—102; В. И. Корецкий. Борьба крестьян с монастырями в России XVI—начала XVII вв. Вопросы истории религии и атеизма, 6, 1958, стр. 196—206. Автор последней статьи указывает, что начало систематического перевода крестьян на барщину относится к 1589 г. Впервые материалы о волнении крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря были опубликованы И. И. Смирновым в приложении к его статье «Классовые противоречия в феодальной деревне» (Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6, стр. 71).

⁸⁰ В дошедшей до нас порядной книге, правда более позднего времени (1656/57 г.), записано 5 коровников и 37 детенышей. Записи начинались с 14 февраля 1657 г. и заканчивались 20 апреля. Нанимались обычно на срок до Филиппова заговенья. Сначала записывалась сумма порядка (обычно 2 руб. с гривной), далее записывались наперед выданные суммы и следующая выдача денег, обычно в 4—5 сроков. В некоторых записях отмечено погашение ранее выданного долга (Архив ЛОИИ, фонд Спасо-Прилуцкого монастыря, № 274).

⁸¹ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXVII, стр. OCLV, лл. 72 об., 73.

определялась и тем, что часть из них переходила затем в состав таких монастырских работников, как конюх, плотник, кожевник, сторож. О профессии основной массы детенышей мы можем судить по их поручителям. Порукой монастырь стремился связать друг с другом работников одной и той же или смежной профессии.

За 25 человек детенышей поручались мастера: кузнецы (за 3 чел.), портные (за 2 чел.), кожевник (за 5 чел.), чулочник (за 2 чел.), плотники (за 13 чел.); если сюда присоединить детенышей, за которых поручились работавшие у мастеров детеныши, то количество детенышей, занятых каким-либо ремеслом, увеличится еще на 8 человек.

Мельничный мастер Родион поручился за 6 человек. Разные служебники (стрельцы, конюхи, скатертник, повара, сторожа, истопники, рыболовы) поручились за 19 человек. Масленник и квасовар поручались за 3 человек. За 29 детенышей поручились старцы дворецкие и слуга дворецкий, ведавшие «детиним дворцом». Если присоединить тех детенышей, за которых поручились монастырские слуги, бывшие поручителями за различных монастырских служебников, то общее количество детенышей, связанных с различными службами в монастыре, доходит до 100 человек из 171 детеныша, работавшего в монастыре в течение 1573—1593 гг. Нет никаких оснований предполагать, что остальные детеныши, профессию которых не удалось установить, заняты были обработкой монастырской пашни.

Детеныши были подсобными работниками на многочисленных внутренних службах монастыря и поэтому тесно связаны с остальными работниками. Среди поручителей детенышей мы часто видим их родственников — мастеров и служебников.

Рассмотрение положения в монастыре наиболее многочисленной по своему составу группы монастырских работников — детенышей позволяет подойти и к решению вопроса о структуре двора вотчинника-феодала, о соотношении в нем постоянных и временных работников.⁸² Решение этого вопроса подводит нас и к проблеме о характере правового положения монастырских людей.

Для решения вопроса о соотношении постоянных и временных работников большой материал дают оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, сохранившиеся с некоторым перерывом за период в 47 лет (1547—1593 гг.). На основании рассмотрения личного состава монастырских детенышей (вер-

⁸² На этом вопросе останавливается Б. Д. Греков (Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., стр. 250—254).

нее — детей) Иосифо-Волоколамского монастыря за 1547—1559 гг. Б. Д. Греков приходит к выводу о том, что «мы имеем дело не с постоянной, а достаточно текучей массой монастырских работников». В составленной им таблице количество новых работников в каждом году равнялось примерно половине всех работников этой категории.⁸³

Если обратиться к группе мастеров (портные и кузнецы) и плотникам, записанным в оброчную книгу 1547 г. (их всего 23 чел.), то их следует считать постоянными работниками монастыря. Из 12 портных мастеров четверо встречаются в оброчных книгах до 1559 г. включительно (работали в течение 13 лет за этот период),⁸⁴ четверо — до 1554 г. (8 лет), трое до 1549 г. (3 года) и лишь один встречается только в 1547 г. Из 3 кузнецов один — Ондрей Федоров — встречается в книгах до 1559 г. включительно, один — до 1552 г. (6 лет) и один — Иван Игнатъев Старой — до 1551 г. (5 лет); вероятно, он работал в монастыре и до 1547 г. Из 8 плотников один — Ширяй Иванов сын, бочарник — встречается в книгах до 1559 г. включительно, трое — до 1557 г., один — до 1550 г., двое — до 1549 г. и один (Колуга Малый) — до 1548 г., правда, он в 1549 г. встречается, но лишь в качестве поручителя за своего племянника Митьку, записанного среди детей.

В настоящей статье мы остановимся на анализе состава монастырских работников за 1573—1593 гг., принимая во внимание то, что за эти годы имеется возможность сопоставлять оброчные книги с записями в расходных книгах. Кроме того, материалы этих лет помогут нам подойти и к решению соответствующих вопросов в отношении монастырских людей Кирилло-Белозерского монастыря.

В приводимой здесь таблице представлен состав монастырских работников за один год (1579 г.).

Как видно из таблицы, из 99 монастырских работников (кроме дворников, сельских истопников и сельских детенышей) лиц, упомянутых в предшествующих и последующих оброчных книгах 3 и более раз — 45 человек, упомянутых в двух книгах — 26 и только в одной книге — 28 человек. Лишь 28,3% всего изучаемого состава монастырских людей может считаться вре-

⁸³ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, стр. 700, 701. — В примечании к таблице Б. Д. Греков оговаривается, что соотношение в данной таблице между новым и старым составом детенышей приблизительно, так как в число старых им включались те, которые хотя бы один раз были раньше детенышами.

⁸⁴ Алексей Васильев сын Тырылдин (Тыркин), Ларя (Харя) Федоров сын Нос (Носов), Гриша (Гридя) Бестужев и Максимка Фефилов.

Состав монастырских людей Иосифо-Волоко

		Мастера												
		иконники	портные	своятники	кузнецы	платники	мельники	ложечники	кочережники	токари	кожевники	седельники	чулочники	каменщики
По книге 1579/80 г.	Упомянуты в трех и более оборочных книгах . . .	—	5	4	—	4	1	—	1	1	1	1	1	—
	Упомянуты в двух обороч- ных книгах .	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
	Упомянуты в одной обороч- ной книге . .	—	1	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Оборочные книги	Всего	—	6	4	2	6	1	—	1	2	2	1	1	—
	1547 г.	—	11	—	3 ⁸⁶	7	—	—	5 ⁸⁷	1	—	—	—	—
	1559 г.	—	13	8	3 ⁸⁶	13	—	—	2	2	—	—	2	—

менными работниками.⁹¹ Не следует поэтому преувеличивать текучесть состава монастырских людей. Лишь вполне определенно можно говорить о текучести состава монастырских людей, работавших в селах (дворники, истопники и сельские детеныши), так как на протяжении ряда лет мы почти не встречаем повторения одних и тех же лиц.

⁸⁵ В таблице дан перечень всех категорий монастырских работников, упоминавшихся в оборочных книгах 1573—1593 гг. Для сравнения приводится перечень монастырских работников по оборочным книгам 1547 и 1559 гг. В итоговые цифры по основным группам работников (детеныши, мастера и прочие монастырские люди) не включены: дворники, сельские истопники и детеныши.

⁸⁶ И еще кузничные дети: в 1547 г. — 4 человека, в 1559 г. — 3 человека.

⁸⁷ Посошники.

⁸⁸ Дети.

⁸⁹ Кроме упомянутых — 1 книжник.

⁹⁰ Кроме упомянутых — 1 книжник, 3 крестечника.

⁹¹ Следует учесть, что оборочные книги дошли до нас неполностью, с пропуском ряда лет; так, между книгами 1573/74 и 1575/76 гг. — один год перерыва; между последней и книгой 1579/80 г. — три года; далее идут книги 1581/82 г. (один год перерыва), 1588/89 г. (шесть лет перерыва), 1589/90, 1592/93 гг. (два года перерыва). Поэтому лица, упомянутые только один раз в оборочных книгах, могли быть записаны в недошедших до нас книгах.

амского монастыря в 1579/80 г.⁸⁵

Равные служебники													Мастера	%	Равные служебники		%	Детеныши		%	Всего работало в монастыре	%
стрельцы	конохи	яславичи	скатертники	повара	истопники	сторожа	рыболовы	островщики	воловики	служилые оброчники	Мастера	Равные служебники			Детеныши	Всего работало в монастыре						
2	3	1	—	—	—	1	2	—	—	—	19	73.1	9	27.3	17	42.5	45	45.4				
2	6	—	1	3	1	1	1	—	—	—	3	11.5	15	45.5	8	20	26	26.3				
—	4	—	—	1	2	—	1	—	1	—	4	15.4	9	27.2	15	37.5	28	28.3				
4	13	1	1	4	3	2	4	—	1	—	26	100	33	100	40	100	99	100				
—	15	—	—	—	9	4	—	—	—	—	27	27	28	28	48 ⁸⁸	103 ⁸⁹	103 ⁸⁹	103 ⁸⁹				
—	16	—	1	—	13	2	3	—	3	—	43	43	38	38	50 ⁸⁸	131 ⁹⁰	131 ⁹⁰	131 ⁹⁰				

Если обратиться к отдельным группам работников, то соотношение между постоянными и временными работниками будет представлять несколько иную картину. В группе 26 мастеров (включая сюда и плотников) лиц, упоминаемых в оброчных книгах лишь один раз, всего 4 человека (15.4%), 3 и более раз упоминается 19 человек (73.1%). Среди 33 остальных служебников (кроме детенышей) лиц, упомянутых только один раз — 9 человек (27.3%); упоминаются 3 и более раз — 9 человек (27.3%); среди 40 детенышей упоминается лишь один раз 15 человек (37.5%). Однако лиц, работавших наиболее длительный срок (упоминавшихся 3 и более раз), в этой группе больше, чем в группе прочих служебников, кроме мастеров. Их всего 17 человек, т. е. 42.5%. Поэтому можно считать высший слой детенышей ближе к мастерам, чем к служебникам.⁹²

⁹² В следующей оброчной книге 1581/82 г. общее количество монастырских работников значительно увеличивается и доходит до 118 человек. Это увеличение происходит за счет привлечения работников на короткий срок (до одного года). Таких работников в книге 45 человек (38.1%). Приблизительно такое же количество монастырских работников (115 человек) указано в оброчной книге 1588/89 г. Однако число работников, принятых на короткий срок, значительно меньше. Их всего 23 человека (20%). Несомненно, это свидетельствует о том, что монастырские

В составе мастеров мы видим лиц, работавших очень длительный срок в монастыре. Так, портной мастер Костя Никитин сын Орехов из Покровского впервые упоминается в оброчных книгах в 1551 г. Затем его имя встречается в оброчных книгах до 1579 г. включительно. Таким образом, он проработал в монастыре 29 лет. Таким же старинным работником (работал в монастыре 32 года) среди сапожных мастеров был Дороган Филиппов. Он упоминается впервые в оброчных книгах в 1557 г. Последний раз его имя встречается в 1588 г. Плотник Ширяй Иванов, бочарник, работал в монастыре 35 лет (с 1547 по 1581 г.). Мельничный мастер Родион Ануфриев работал в монастыре 17 лет (с 1574 по 1590 г.), токарь Филипп Дмитриев — 18 лет (1576—1593 г.). Кроме этих 5 человек, из 56 мастеров, работавших в период с 1573 до 1593 гг. свыше 10 лет работало в монастыре еще 6 человек (т. е. вместе с указанными выше 20% всех работников).

Наименее устойчивым был состав конюхов. Из 61 конюха, упоминаемого в оброчных книгах за 1573—1593 гг., 36 человек работали в течение одного только года. Три и более раз в книгах упоминается лишь 12 человек. Среди этих последних лиц «старый конюх» Истома Сычов Нешара работал в монастыре 29 лет (с 1547 по 1575 г.). Он был единственный из этой группы монастырских работников, который стал получать 1 руб. годового оброка еще с 1554 г. Другой «старый конюх», а затем «стадной приказчик» — Алексей Растегай работал в монастыре в течение 14 лет (с 1580 по 1593 г.). Многие конюхи прямо назывались новыми.⁹³

Причину частой смены конюхов объясняет такая запись в оброчной книге 1588/89 г.: «Дано оброку Федьке Никольскому рубль, порука по нем Иван Курник. Федька женился, а в его место послан в конюхи Гришка Кузмодемьянский, и деньги, чего не дослужил Федька, 20 алтын, отданы Гришке. А порука Тренка конюх». Большинство конюхов находились в разъездах, сопровождая монастырских старцев и слуг во

власти стремились увеличить число постоянных работников в монастыре. В частности, значительно увеличивается число детенышей, работавших длительный срок в монастыре. Из 38 детенышей в оброчной книге 1589/90 г. лиц, упоминаемых в трех и более книгах 22 человека (57,9%). В этих фактах можно видеть попытки перестройки отдельных сторон монастырского хозяйства с целью борьбы с последствиями хозяйственного кризиса 70—80-х годов XVI в.

⁹³ Например, Новичок, новые конюхи: Пятышка, Ромашко Ондреев племянник Мохова, Фетька — впервые упоминаются в 1575 г.; Нешара Молодой поступил в 1580 г.

время их служебных поездок.⁹⁴ Так, Новичок-конюх был послан со старцем Васьяном Темкиным.⁹⁵

Так же малоустойчив был состав поваров (из 29 человек только один упоминается 3 раза и 9 человек — 2 раза); 11 человек носят название тележного повара (один раз кошевого повара), что свидетельствует о том, что они находились преимущественно в разъездах.

Если обратиться к составу детенышей, то из числа 171 детеныша, числившегося в оброчных книгах 1573—1593 гг., в трех и более книгах упоминается 40 детенышей, в двух книгах — 38 и только в одной — 93 человека. Среди детенышей, длительное время работавших в монастыре, один встречается во всех книгах, т. е. проработал в монастыре свыше 20 лет. Это Яким Тимофеев сын. Впервые его имя встречается в расходной книге 1573/74 г. 28 августа 1573 г. сапожному шведу Якиму Тимофееву было выдано полполтины денег до Николина дня осеннего. Поручился за него его дядя детеныш Ондрей Фомин сын. 17 декабря того же года ему был выдан годовой оброк в сумме 4 гривны за той же порукой, причем отмечено что его поручитель живет в дер. Чаща. Уже с 1575 г. Яким Тимофеев получает высший для детенышей оклад — 1 руб. и на рукавицы алтын. С 1588 г. в записях отмечается, что у него свой двор в дер. Чаща. Тогда же ему, как и всем детенышам, денежный оброк был снижен до 25 алтын в год. Этот оклад он получал по 1593 г. включительно.⁹⁶ Кроме Якима Тимофеева, длительный срок работали в монастыре Гаврилко (Ярило) Дементьев (упоминается в оброчных книгах 1573/74 и с 1579 по 1593 г.). Калинка Тимофеев Жуль (встречается в оброчных книгах с 1579 по 1593 гг.), Гриша Новлянский (в тех же книгах).

Как уже отмечено выше, вся группа монастырских людей, работавших в селах (дворники, сельские истопники и сельские детеныши) упоминаются в книгах не свыше одного раза. В оброчной книге 1589/90 г. таких лиц 84 (31 дворник, 16 сельских

⁹⁴ Встречаем ряд упоминаний о поездках конюхов; например, Максим Ильин сын был «послан с Шверигой Васильевым» (запись оброчной книги 1575/76 г.).

⁹⁵ Оброчная книга 1575/76 г. Есть запись об уплате конюхам: «за каргопольскую послугу» (книга 1588/89 г.), «за московскую службу» (книга 1592/93 г. — две записи).

⁹⁶ Дядя его Ондрей Фомин впервые упоминается 3 февраля 1574 г. Ему был выдан оброк в сумме полтридцать алтын на срок до Покрова. Далее он упоминается в оброчных книгах до 1588 г. включительно, а затем — в 1593 г. Поручителем за него в книгах 1573/74 и 1575/76 гг. записан детеныш Данила Тимофеев. Сам он имел свой двор в деревне Фадеево, поэтому порука с него не была взята. Он упоминается среди детей с 1554 г. Последний раз имя его встречается в оброчной книге 1575/76 г.

истопников, 37 сельских детенышей). В монастыре в это время работало 112 человек.

О значительном количестве временных работников в Соловецком монастыре сообщает в своем исследовании А. А. Савич.⁹⁷ Он отмечает, что служебники монастырем нанимались на определенный срок. Что касается работных людей (солеваров, дровосеков, кузнецов и т. д.), то часть их постоянно работала в монастыре («полетные»), другие были пришлыми, поденными работниками. Значительная часть монастырских детенышей, по мнению А. А. Савича, была постоянным рабочим населением монастырской вотчины, в этом ее отличие от временных работников — казаков.⁹⁸ Мы уже приводили мнение Б. Д. Грекова о текучести состава детенышей Иосифо-Волоколамского монастыря. В этой же его работе представлены данные о найме детенышей на определенный срок в вотчине архиепископа Вологодского и Великопермского Макария в начале XVII в.⁹⁹

В переписной книге Спасо-Прилуцкого монастыря 1612/13 г.¹⁰⁰ упоминается всего лишь 17 монастырских мастеров и мельников и конюхов, кроме 33 «служебников монастырских» (вернее — слуг), «которые ходят по монастырским службам, а чернова дела не делают». Число людей, нанимаемых на летние и зимние работы, значительно превышает общее количество постоянных монастырских работников. «Да в монастыре ж держат наемных людей на монастырском хлебе в лето человек по осмидесяти и болши, а в зиму человек по пятидесяти».

Все эти данные показывают крайне разнообразное использование труда постоянных и временных работников в разных церковных вотчинах.

Что касается вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря, то наряду с постоянным составом работников, занятых внутри монастыря (28% которых поступала в монастырь на срок не свыше одного года), монастырь для обслуживания своих дворов в селах привлекал около 50 работников (дворников и истопников), а также некоторое количество (от 15 до 40) людей, непосредственно выполнявших сельскохозяйственные работы (сельские детеныши и пастухи).

На короткий срок монастырь нанимал работников и для выполнения своих внутренних хозяйственных работ. Об этом свидетельствуют некоторые записи в оброчных книгах и, гораздо больше, в расходных книгах монастыря. Так, 2 июня 1579 г.

⁹⁷ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 108.

⁹⁸ Там же, стр. 245.

⁹⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 702, 703.

¹⁰⁰ Архив ЛОИИ, фонд Спасо-Прилуцкого монастыря, № 59.

6 ошашковским плотникам была выдана плата за работу в течение месяца, из расчета по 12 алт. в неделю.¹⁰¹ 7 июня того же года 14 луковским и 3 зубцовским плотникам было выдано по 2 гривны в неделю; работали они 4 недели («делали у святых ворот сени, у казенной кельи да у поварни покрывали сени ж»)¹⁰² В том же месяце записана выдача денег двум «детенышем прихожим ноугородцам» Матюшке Иванову да Калинке Тимофееву по 10 алт. за работу в течение 5 недель.¹⁰³ Оба эти детеныша вместе с детенышами Васькой и Петрушкой 13 июля получили все вместе 3 алт. 2 деньги; они «носили в погреб кирпич и известь».¹⁰⁴

1 августа «прихожему детенку Иваньку Иванову сыну, ноугородцу» выдано было 5 алт. и указано «жить ему до Покрова в детех».¹⁰⁵

В расходных книгах встречаем и другие записи о привлечении в монастырь на короткие сроки плотников, сапожников, портных, кузнецов и других ремесленников.¹⁰⁶

Расходные книги содержат также записи об уплате различными ремесленникам сдельно за выполненную работу.

Для определения соотношения постоянных и временных работников в Кирилло-Белозерском монастыре мы располагаем только именными их списками в записях (начала XVII в.) о выдаче им денежного оброка и денег «за рубахи».¹⁰⁷ В 1603 г. в монастыре работало 214 человек, из них 32 мастера и 182 прочих служебников, включая и слуг «нежалованных», безоброчных мастеров и учеников мастеров. В числе 214 человек лиц, упоминаемых в трех расходных книгах — 60 человек, в двух —

¹⁰¹ Расходная книга 1579/80 г., л. 103—103 об.

¹⁰² Там же, лл. 104 об., 105.

¹⁰³ Расходная книга 1579/80 г., лл. 107 об., 108.

¹⁰⁴ Там же, лл. 111 об., 112. — В этот же день было выдано «Проне каменщику 4 гривны, да Петрушке, да Третьяку Черному, да Усне по 2 гривны, итого рубль, — «делали в погребче чулан каменный»; 29 сентября детенышу Матюше Иванову да Калинке Тимофееву было дано на лапти 2 алт. (там же, л. 125 об.). С 1 ноября 1579 г. Калинка Тимофеев был принят на постоянную работу в монастырь, и ему был выдан годовой оброк в сумме 32 алт. Записи о выдаче ему оброка находим и во всех последующих оброчных книгах до 1593 г. включительно. Судьба Матюшки Иванова неизвестна.

¹⁰⁵ Там же, л. 115 об.

¹⁰⁶ Расходные книги 1573/74 г., лл. 323, 325; 1579/80 г., лл. 101—101 об., 104 об., 111 об. и др.; 1581/82 г., л. 103 и др.

¹⁰⁷ Н. К. Никольский, ук. соч., т. I, вып. 2, прилож. XXVII, XXVIII, XXX — расходные книги 1603/04, 1605/06, 1606/08 гг.; наши выводы основаны на сопоставлении именных списков монастырских людей за эти годы. Мы располагаем записями о выдаче оброка мастерам в 1603, 1605, 1606 гг. и денег за рубахи остальным монастырским людям за 1603, 1604, 1605 гг.

70 и только в одной — 84 человека. Таким образом, 39% всех работников работало в монастыре лишь в течение одного года. Наиболее устойчивым был состав мастеров: из них 16 упоминалось в трех книгах, 7 — в двух книгах и 9 (28.1%) — только в одной. Среди прочих служебников 44 упоминалось в трех книгах, 63 — в двух и 75 (41.2%) — только в одной.

Такой значительный, сравнительно с Иосифо-Волоколамским монастырем, процент работников, поступавших в монастырь лишь на один год может быть объяснен тем, что в списки включались лица, которые работали не только в самом монастыре, но и в монастырских селах, которые поступали в монастырь на короткий срок для выполнения сезонных работ. Такие работники в наш подсчет по Иосифо-Волоколамскому монастырю не входят.

Вопрос о характере юридического положения монастырских людей может быть более или менее разрешен лишь для Иосифо-Волоколамского монастыря благодаря наличию в оброчных книгах указания на поруку, которая должна была обеспечить исправное выполнение работ при условии выдачи годового денежного оброка вперед. Именно такое значение поруки видно из следующей записи в расходных книгах 1573/74 г. от 28 июня 1573 г.: «дано мельнику Степанку Можайскому от Нижние мельницы от дела 2 рубли денег, половина могорца, а дву рублей ему не дали, потому что он по себе поруки не дал. Да Степану ж дано досталь 2 руб. Итого всего ево дошло 4 рубля сполна». Таким образом, из-за отсутствия поруки деньги за выполненную работу полностью были выданы лишь по ее окончании.¹⁰⁸

Эта запись характеризует отношение вольного наемного человека, не зависимого от монастыря. Другие отношения складывались при сделке монастыря с зависимыми от него людьми.

Б. Д. Греков приводит запись приходной книги 1573/74 г. о взимании со стрельца Васьки Захарова — поручителя детеныша Трешки, части выданного детенышу оброка (12 алт. 3 деньги), потому что «Трешка пошел прочь, а полугоду не дожил».¹⁰⁹

Б. Д. Греков особенно подчеркивает выражение «пошел прочь», а не «бежал», отмечая, что здесь хотя и имеется определенная зависимость, но эта зависимость очень относительная.¹¹⁰ В настоящем случае речь идет о работнике, нанятом на короткий срок (полгода), по-видимому, о сельском детеныше — эле-

¹⁰⁸ Расходная книга 1573/74 г., л. 90 об.

¹⁰⁹ Извлечение из приходо-расходных книг Волоколамского монастыря. Исторический архив, II, 1939, стр. 63.

¹¹⁰ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 702.

менте, достаточно текучем, ведь не случайно в составе сельских детенышей были нередко и вольные «гуляющие люди». По отношению к своим постоянным работникам монастырь применял другие выражения. В оброчной книге 1587/88 г. при записи о выдаче годового оброка конюху Иванку Нагому записано: «порука Степан да Третьяк стрелец в воровстве и в побеге и в оброке». Такая форма поруки была, видимо, обусловлена фактами бегства монастырских людей. В оброчной книге 1575/76 г. против места, где записан выданный годовой оброк в сумме 30 алт. конюху Максимке Ильину сыну, посланному с осташковским тиуном Шевригой Васильевым, на полях написано: «сбежал».¹¹¹

Монастырь стремился закрепить за собой важные для него кадры мастеров и других наиболее квалифицированных работников, связывая их друг с другом круговой порукой. От необходимости иметь поручителей освобождались работники из крестьян, имевших свои дворы в монастырских селах и деревнях. Двор в данном случае был порукой исправного выполнения работы. Об этом прямо говорится в некоторых записях оброчных книг. «Порука по нем не взята, потому что он живет в деревне на Фадееве, двор у него свой».¹¹² Поэтому в книгах встречается много записей такого рода: «порука двор его на Чашу».¹¹³ Правда, в отдельных случаях и при наличии двора бралась порука. В оброчной книге 1573/74 г. при записи о выдаче оброка двум дворникам в селах Лествицыно и Литвиново указано, что порука по ним не взята, потому что они старожильцы. Можно думать, что имевшие свои дворы монастырские работники тоже были старожильцами.¹¹⁴ Не указывалась порука и в записях о выдаче денежного оброка некоторым старинным мастерам.¹¹⁵

¹¹¹ Такую же помету находим в оброчной книге 1575/76 г. о рыболове Максиме Иванове сыне и детеныше Онашке Григорьеве сыне; еще в оброчной книге 1550 г. записано, что казначей взял полтину на поручнике Ондрее, «что збежал за его порукою рыболов Мелех» (Книга ключей, л. 178). Порука была средством тесно связать работников с вотчинником-феодалом, и характер этой поруки придавал определенные феодальные черты наемным отношениям.

¹¹² Оброчная книга 1573/74 г., детеныш Ондрей Димитриев сын.

¹¹³ Оброчная книга 1590 г., детеныш Михалка Водопьян.

¹¹⁴ Об Андрюше, лествицынском дворнике, сказано, что порука по нем не взята, потому что он «старой жилец». Никитка, дворник в Литвинове, назван старожильцем. О социальном, а не временном значении термина «старожилец» см. статью И. И. Смирнова «К вопросу о старожильцах».

¹¹⁵ Например, портным мастерам Косте Никитину сыну Орехова и Ивану Сергееву сыну Каше в оброчной книге 1579/80 г. и сапожному мастеру Дорогану Филиппову в оброчных книгах 1573/74, 1575/76 и 1579/80 гг.

В качестве поручителей за мастеров обычно были другие мастера той же профессии или мастера смежных профессий. Так, портной мастер Иван Трезвонов был поручителем за 9 других портных мастеров, в том числе за двух своих сыновей и за ученика. Поручителями были еще другие мастера. Мастер Иван Сергеев сын Каша был поручителем за 4 других мастеров. Кроме того, еще 3 других мастера выступали в качестве поручителей. Среди поручителей были и сапожники мастера (2 чел.), бочкарь, кожевники (2 чел.). В качестве поручителей мы находим и меньшого казначея Якима. Такой же характер поруки видим у сапожников, плотников, кузнецов и других мастеров. Встречаются случаи круговой поруки. В оброчной книге 1588/89 г. взаимными поручителями друг за друга были кузнецы Тренька Истомино и Богданка. Взаимно поручились друг за друга также кочережник Михаил Андреев и токарь Филька Дмитриев.¹¹⁶ Были случаи нескольких поручителей: так, в 1589 г. за рыболова Ондрышку поручились «товарищи его Офрем да Гришка, да Федька», все они имели свои дворы в деревне Чаща. В числе поручителей мы видим также монастырских старцев и слуг. Особенно много слуг в качестве поручителей встречаем в записях о выдаче оброка конюхам и поварам, что обусловлено тем, что обе эти группы работников заняты были во время служебных поездок. За одного из поваров (тележный повар Васька Петров сын) поручились в 1575 г. три монастырских слуги: Посник Васильев, Шестак Андреев сын Трубачев и Исак Иванов. Коллективную поруку встречаем в записях 1588 и 1589 гг. о выдаче оброка старшему конюху (с 1593 г. стадному приказчику) Алексею Растегаю: «порука по нем конюхи всею братьею».¹¹⁷ При поступлении в монастырь новых работников поручителями были крестьяне тех сел и деревень, откуда эти работники пришли в монастырь.¹¹⁸

Рассмотренные случаи поруки показывают, что монастырь стремился связать друг с другом работников, близких по профессии, возлагая преимущественно ответственность на лиц, руководивших определенными отраслями работ. (Это позволяет по характеру поруки определить и профессию работника, если она прямо не названа). Порука была делом далеко не добро-

¹¹⁶ Оброчная книга 1579/80 г.

¹¹⁷ «Портные мастера всей братиею» записаны в качестве поручителей за истопника портной избы Демитку Косолапа в оброчной книге 1587/88 г.

¹¹⁸ См., например, записи о выдаче оброка ряду детенышей: Максимку Иванову (1589/90 г.), Демеху Офремову (1575/76 г.), Гришке Петрову (1581/82 г.), Федору Митрофанову (1575/76 г.), Илюшке Иванову (1573/74 г.), Ивану Харитоновскому (1581/82 г.), Софонке Макарову (1589/90 г.).

вольным; об этом свидетельствуют следующая запись о выдаче оброка детенышу Володьке Федорову в 1588 г.: «поруку приказали взять Оксену Кожевнику и Оксен взял Неклюда Павлова порукой».¹¹⁹

Были ли дошедшие до нас оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря единственным доказательством, оформлявшим взаимоотношение монастыря с монастырскими людьми? В них отсутствуют подписи поручителей, наличие которых превратило бы их в те «крепости» (т. е. юридический документ), которые рекомендовалось завести Троице-Сергиеву монастырю указом царя Федора Ивановича.¹²⁰ Возможно, что в монастыре были другие экземпляры книг, скрепленные поручными записями, или же поручные записи на каждого из монастырских людей, включенного в оброчные книги. Такого рода поручные записи XVII в. на монастырских служек и близких к ним по своему положению архиерейских детей боярских до нас дошли.¹²¹ Наряду с поручными записями поступление в состав монастырских людей оформлялось также «жилой записью», дававшей возможность значительно разнообразить условия службы и работы.¹²²

Уже в XVI в. встречаются случаи оформления поступления в состав монастырских людей по служилой кабале,¹²³ заемной

¹¹⁹ В оброчной книге 1587/88 г. в записи о выдаче оброка московскому истопнику Первушке сказано: «порука по нем приказана Третьяку взять» (Третьяк Ашиток, по-видимому, монастырский слуга).

¹²⁰ См. выше, стр. 137.

¹²¹ См. поручные записи архиерейских детей боярских: РИБ, т. 14, № 58, стр. 1061; поручная запись по монастырском службе, содержащая обязательство «воровского и всякого бездельного дела не учинить и к монастырю не привести, и убытка никоего всякого в монастырь не учинить» (Архив Строева, т. II, № 175, 1613 г.). О наличии каких-то записей «на слуг и на детенышей и на монастырских наймитов» упомянуто в книге письма и дозора вотчин Вятского Успенского монастыря 1601 г. (см.: М. А. Дьяконов, ук. соч., стр. 304).

¹²² В 1697 г., когда в Кирилло-Белозерском монастыре была проведена проверка положения монастырских людей и их отношения к монастырю, в составленных списках отмечалось поступление людей в монастырь «с жилой записью», «записью в житье», «поручной записью» и «по властелинских подписным челобитным» (см.: Разборная книга монастырских людей 1697 г. Рукопись ГПБ, Кирилл. 82—1321). Образцом такой записи может служить «служилая запись» иконописца Ивана Дранишника Хутынского монастырю 1614 г. (Временник ОИДР, кн. XXV, «Смесь», стр. 2—4). О «жилых записях» см. статью Т. Оберучевой-Анциферовой: ЖМНП, 1917, № 2, стр. 241—271.

¹²³ В. Г. Гейман, ук. соч., прилож. 12 (1563/69 г.), 13 (1569/70 г.). По служилой кабале оформлялись в XVII в. отношения к монастырю монастырских людей Нижегородского Печерского монастыря (см.: А. С. Лапдо-Данилевский. Служилая кабала позднейшего типа. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909, стр. 75).

кабале,¹²⁴ даже по духовным и данным грамотам.¹²⁵ Однако можно думать, что при поступлении в состав монастырских людей монастырских крестьян и других зависимых от монастыря людей монастырь мог ограничиться устной договоренностью и записью в оброчные книги. По крайней мере даже в XVII в., когда предъявлялись гораздо более строгие требования к оформлению такого рода сделок, монастырские власти держали своих людей часто без всякого оформления. Таким образом, по своему юридическому положению ввиду своеобразия монастырской вотчины — неприменимости к ней чисто холопских отношений — монастырские люди ближе всего к «наймитам». Однако условия экономического положения этих людей, тот факт, что большинство их вышло из среды крестьянского населения монастырской вотчины, придавало этому найму феодальные черты и сближало эту группу населения крупной монастырской вотчины с крестьянами и холопами.¹²⁶

Оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря позволяют ближе ознакомиться с социальным составом монастырских людей и с условием поступления их в монастырь.

Оброчные книги, как отмечено выше, сохранили указание на наличие дворов у монастырских людей, записанных в книги. Всего монастырских людей, у которых указаны дворы в книгах 1573—1593 гг., 76 человек (из них детенышей 38 человек). Кроме детенышей, дворы имели портные, сапожники, кузнецы, плотники, конюхи, рыболовы, сторожа и другие монастырские люди. Больше всего (20) дворов указано в подмонастырской деревне Чаща. Много дворов было и в с. Покровском (11), откуда преимущественно происходили монастырские мастера:

¹²⁴ См.: В. М. Панеях. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабаках Спасо-Прилуцкого монастыря. Проблемы источниковедения, V, 1956, стр. 226—227 — об использовании заемной кабалы для оформления поступления в монастырь дворника (1573 г.) и портного мастера (1630 г.).

¹²⁵ См.: М. А. Дьяконов, ук. соч., стр. 255.

¹²⁶ Б. Д. Греков в исследовании о Софийском дворе в Новгороде (Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., стр. 251—252) приходит к выводу, что все работавшие на Софийском дворе были «свободные рабочие, продающие свой труд, не имеющие иного источника дохода, кроме своих „рабочих рук“». Это относится, по мнению Б. Д. Грекова, не только к временным, но и к «штатным» работникам, порядившимся в монастырь на длительный срок. Б. Д. Греков говорит и о свободе детеныша в своем очерке о монастырских детенышах, правда не в такой категорической форме (Крестьяне на Руси, стр. 702). Глубоко права А. М. Панкратова, подчеркивавшая большую близость «наймитов» к феодально зависимым людям, чем к вольнонаемным рабочим позднейшего времени (см. ее статью: Наймиты на Руси в XVII в. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952, стр. 205).

портные, сапожники, плотники. Несколько дворов указано в Новом селе, в с. Отчищеве и дер. Радионове.¹²⁷ О происхождении ряда монастырских людей из крестьян монастырской вотчины свидетельствуют прозвища, образованные из наименования монастырских сел и деревень: Высоковский, Луковниковский, Новлянский, Отчищевской, Пробоевской, Радионов, Чеклевской, Осташковец и др. Наконец, среди поручителей поступающих в монастырь людей видим крестьян монастырских вотчин.

Некоторые монастырские работники поступали в монастырь, имея уже свои дворы.¹²⁸ Другие получали дворы уже находясь на монастырской работе.¹²⁹ Возможно, мы имеем здесь дело с монастырскими работниками, жившими первоначально во дворах своих родителей, а потом ставших самостоятельными хозяевами.

Однако в двух случаях оброчные книги отмечают получение дворов при содействии монастырских властей.

Так, в 1581 г. сапожный мастер Дороган Филиппов, работавший в монастыре с 1557 г., получил в счет денежного оброка в 1 руб. двор «Демеховской плотников» в с. Покровском.¹³⁰ Другая запись о выдаче двора сделана в оброчной книге 1590 г. Плотнику Мосею Труфанову, работавшему в монастыре с 1581 г., был дан двор «в Покровском Кашинской» за 20 алт. в счет половины его денежного оброка. Двор назван Кашинским, по-видимому, потому, что ранее здесь жил портной швец Иван Сергеев сын Каша.¹³¹

Не случайно обе записи о предоставлении двора относятся к с. Покровскому, откуда происходил ряд монастырских масте-

¹²⁷ Кроме того, указываются дворы в следующих селах и деревнях: Бужарово, Буйгород, Воронино, Высокое, Ыльцино, Никольское, Носово, Онисково, Пробоево, Рохматово, Стомирово, Трофимово.

¹²⁸ После 1573 г., когда было названо 12 монастырских людей, имевших свои дворы, особенно много поступило в монастырь работников, имевших свои дворы, в 1588—1593 гг. (всего 28 человек, причем только в 1593 г. — 14 человек).

¹²⁹ Наибольшее количество людей, ранее работавших в монастыре, получило дворы тоже в 1587—1593 гг. (всего 30 человек, из них в 1589 г. — 14 человек).

¹³⁰ В последующие годы (до 1589 г.) в записях о выдаче оброка отмечается наличие у него двора в с. Покровском. В записях о выдаче оброка плотнику Дементию Кузьмину сыну не говорится, что у него свой двор. О происхождении его из с. Покровского свидетельствует такая запись в оброчной книге 1575/76 г. о выдаче оброка детенышу Иванку Олексеву: «порука по нем Демех плотник, живет в Покровском». После 1579 г. имя плотника Дементия в оброчных книгах не встречается.

¹³¹ В записях о нем в оброчных книгах 1579/80 г., 1581/82 и 1588/89 гг. указано, что у него свой двор в Покровском. После декабря 1588 г. этот мастер в оброчных книгах не значится.

ров; монастырь был заинтересован в заселении дворов, опустевших из-за смерти или разорения их владельцев. В приходо-расходной книге 1589 г. имеются записи о значительном запустении этого села, где оказалось 7 вытей пустых.¹³² Наличие двора у монастырских работников отнюдь не означало их обеспеченного положения. Несомненно, что в монастырские работники, особенно средних и низших категорий, поступали обедневшие крестьяне. В записях о выдаче оброка ряду монастырских работников, у которых в оброчной книге 1573/74 г. были указаны дворы, в следующих книгах дворы не упоминаются.¹³³ Несомненно, здесь речь идет о маломощных крестьянах, на судьбе которых тяжело отразился хозяйственный кризис 70-х годов XVI в.

В монастырской вотчине было значительное число «худых» крестьян, некоторые из которых «разбрелись кормиться» (в частности, в с. Покровском не было на месте 8 человек), у других же оказалось «животины мало, хлеба сеяно маленько или не сеяно, и прокормиться до нови нечем». Таких крестьян, которые «прожитком худы», по данным 1591 г. насчитывалось 160 человек.¹³⁴ Среди волостей, в которых оказались «худые» крестьяне, перечислены и такие, откуда крестьяне поступали в монастырские работники (например, волость Отчищевская).

О крайне бедственном положении монастырских людей, даже имевших свои дворы, свидетельствует запись в оброчной книге 1590 г.: рыболов Гриша Тарасов сын, работавший в монастыре с 1573 г., получивший с 1581 г. высший для этой категории работников денежный оброк в 1 рубль, а с 1589 г. имевший свой двор в дер. Чаща, был вынужден взять в долг у монастыря 1 рубль в счет очередного денежного оброка. В записи оброчной книги написано: «Заплачено за Гришию за рыболовля по кабале за оброк рубль денег. Да ему ж дано за бедность 10 алтын. Поруча по нем двор его на Чашю». Бедственное положение рыболовов подтверждает и то, что среди бежавших в 1575 г. из

¹³² К. Н. Щепетов, ук. соч., стр. 97.

¹³³ Нам встретились 6 таких случаев, 5 из них касаются детенышей, записанных в оброчной книге 1573/74 г. как имеющие свои дворы в Новом Селе, с. Отчищево (2 человека), с. Покровском, дер. Фадеево. В частности, два детеныша — Михайло Обросимов сын и Овсяник Онуфриев сын, — при наличии двора в с. Отчищеве, были связаны друг с другом взаимной поручкой. Один из этих детенышей в книге 1579/80 г. опять записан как имеющий свой двор (где — не указано), а в книге 1581/82 г. за ним опять двора не значится. Наконец, один детеныш в оброчной книге 1575/76 г. числится как имеющий свой двор, в книге 1581/82 г. двора за ним не значится.

¹³⁴ К. Н. Щепетов, ук. соч., стр. 92—98 и табл. 3 на стр. 124.

монастыря работников был Максим Иванов сын рыболов.¹³⁵ Несмотря на наличие среди четырех рыболовов, состоявших в монастыре в 1590 г., трех человек, имевших свои дворы в дер. Чаща (за четвертого рыболова, принятого в 1589 г., поручиками были три его «товарища»), по-видимому, эта важная отрасль монастырского хозяйства не была обеспечена. 1 апреля 1593 г. приговором старца Мисаила Безнина, занимавшегося в эти годы упорядочением всего монастырского хозяйства, был коренным образом пересмотрен порядок обеспечения рыболовов. Рыбная ловля была поручена бужаровскому рыболову Якову с женой и сыном и помощнику его рыболову Томилко. Помимо денежного оброка, приговор подробно перечисляет получаемое ими натуральное обеспечение.¹³⁶

Кроме крестьян, в среде монастырских людей Иосифо-Волоколамского монастыря были и выходцы из городов. Так, в 1581 г. в состав детенышей были приняты: «дети новгородцы» Истома. Андреев сын, сын его Третьячко, Лука Демидов и Ондрюша Овдеев. Тогда же был принят в детеныши и Левон Андреев сын Третьяк, за которого поручился его брат Истома новгородец. Всех этих новгородцев встречаем в оброчных книгах только в 1581 г. Другой новгородец Куземко сын Демидов записан был в трех оброчных книгах (1588—1590 гг.). Длительное время в монастыре, как мы видели, работал один из «прихожих новгородцев», поступивший в 1579 г., Калинка Тимофеев сын Жуль (с 1579 по 1593 г.). Среди монастырских людей находим и бывших холопов. Так, в 1573 г. был принят истопником Тренка Степанов, «отпущенник Незговорова отца Веревкина» (Незговор Веревкин — слуга монастырский).

Расходные книги показывают, как поступали различные монастырские люди в монастырь. Нередко принимали в число постоянных работников монастыря лиц, ранее привлекавшихся к временным, эпизодическим работам.

Так, в расходной книге 1579/80 г. записана выдача денег пяти плотникам, изготовлявшим тес в течение двух недель.

¹³⁵ Запись на полях в оброчной книге 1575/76 г.

¹³⁶ Из трех рыболовов, имевших свои дворы в дер. Чаща, двое получили их в 1589 г. (один работал с 1573 г., другой — с 1588 г.). Можно предполагать, что эти дворы получены не без участия монастыря, хотя об этом в оброчной книге не говорится. Отмеченное в примечании значительное увеличение в 1588—1593 гг. количества работников, имевших свои дворы (причем многие из ранее работавших в числе монастырских работников получили двор именно в эти годы), дает основание видеть в этом попытки упорядочить положение и содержание монастырских людей. Не случайно в период острой борьбы за рабочие руки монастырь стремился привлечь в среду монастырских работников лиц, тесно связанных с крестьянским населением, т. е. имевших крестьянские дворы, или же посадить старых своих работников на запустевшие крестьянские участки.

С ними работал одну неделю Гриша Новлянский (т. е. крестьянин из Нового Села). В декабре 1581 г. плотник Гриша Новлянский получил 4 алт. за постройку кельи у монастырского старца в с. Покровском, а в 1588 г. ему, как детенышу, выдан годовой денежный оброк. Затем он упоминается среди детенышей до 1590 г. включительно.¹³⁷ Поступали в состав детенышей, работавших в самом монастыре, и сельские детеныши, привлекавшиеся ранее на временную работу.¹³⁸

В число мастеров тоже поступали лица, ранее привлекавшиеся к временным работам. Так, в расходных книгах 1580 г. записана выдача оброка кузнецу Богданке за временную работу. С 1588 по 1593 г. он записан в оброчных книгах как постоянный монастырский работник.

Переход отдельных групп крестьянского населения в состав монастырских работников происходил иногда путем замены оброка выполнением постоянной работы на монастыре. Такими были, как мы видели, в Кирилло-Белозерском монастыре жившие в дер. Каргове плотники Гриша Ортюшин «с соседи», которые вместо оброка «делали в монастырь всякое плотниче дело».¹³⁹

Так происходил иногда переход в состав монастырских людей даже целых селений.

Невозможность вести крестьянское хозяйство при постоянных работах в монастыре заставляла последний сначала освобождать их от владельческого оброка, требуя с них только изделия, а затем и переводить их на постоянное монастырское содержание. Источники знакомят нас с целым рядом случаев подобного перехода целых монастырских селений в состав монастырского двора. Из жалованной грамоты 1565 г. Симонову монастырю мы узнаем, что в старом подмонастырском селе Коровниче жили монастырские люди «посошники, и сапожники, и сторожа, денные и ношные, и воротники, и погребные квасовары, и плотники, и кузнецы, и всякие деловые люди». Они получали денежный хлебный оброк от монастыря и платили всякие подати наравне с посадскими людьми; «и иногде у них промысла нет некоторого опричь того, что они на монастырь делают, и они охудели и одолжали». По жалованной грамоте они были освобождены от всяких податей.¹⁴⁰

¹³⁷ См. также выше о поступлении в монастырь «прихожих новгородцев».

¹³⁸ Детеныши Демех Онуфриев и Мишка Брага, работавшие летом 1581 г. в с. Ангелове Московского уезда; «детенок» Иван Яковлев, работавший в с. Рогулино летом 1575 г.

¹³⁹ См. выше, стр. 141.

¹⁴⁰ Н. П. Попов. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. Чтения ОИДР, 1910, кн. 2, стр. 100. — Таково же было основа-

Освобождение от тягла и являлось основным признаком, окончательно выделявшим собственно людей монастыря от другого населения вотчины.

Такой же процесс образования подмонастырской слободы служебников наблюдаем и в других монастырях. В Троице-Сергиевом монастыре по писцовой книге 1594 г. в монастырском селе Клементьеве находились слободы непашенных крестьян и бобылей, главная масса которых были ремесленными людьми и выполняли изделия на монастырь (на это указывает отсутствие упоминания оброка с них). В начале XVII в. в этом месте находим уже слободы служебников.¹⁴¹

Весьма вероятно, что таково же было происхождение подмонастырских служилых слобод, которые известны в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVII в.

Вопрос о порядке содержания монастырских людей не может быть полностью разрешен в рамках настоящей статьи. Определение соотношения оплаты труда постоянных монастырских работников и лиц, с которыми монастырь вступал во временные отношения, требует внимательного изучения многочисленных данных приходо-расходных книг, что, конечно, может стать предметом самостоятельного изучения.

Мы остановимся здесь лишь на основных принципах оплаты труда монастырских работников, на соотношении между отдельными разрядами монастырских людей, поскольку оно отразилось на размерах вознаграждения за труд, на порядке выдачи содержания монастырским работникам.

Как видно из сметы расходов Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г., заработная плата монастырских людей состояла из двух частей: денежного обеспечения, которое рассматривалось как оплата «за платье», и натурального хлебного обеспечения. Все монастырские люди должны были получать за платье по

ние для освобождения от оброка монастырских людей Верхотурского Николаевского монастыря в 1627 г. в царской грамоте на Верхотурье, вызванной челобитьем этого монастыря: «А того монастыря на слугах, которые будут у них изстари в слугах или в детенышах, а не гулящие и не наемные люди, и на них оброку имать не велели, будет с иных монастырских слуг и детенышев оброку не емлют» (АИ, III, № 148).

¹⁴¹ О монастырском селе Клементьевском и составе его ремесленного населения см. работу С. В. Бахрушина «Возникновение городских поселений в XVI в.» (стр. 118—120). Быстрый рост монастырских слобод наблюдается и в других монастырях. Так, в Костромском Ипатьевском монастыре в 1560 г. было монастырских нетяглых 22 двора (поп, дьякон, слуги и всякие монастырские люди), а уже в 1596 г. было «поповских, дьяконовских и рыбников, и перевозников, и детей монастырских 112 дворов» (С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 2. Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, № 1 — Сотная 7068 г.; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 787).

1 руб. в год на человека. Натуральное обеспечение складывалось из следующей средней нормы: по 4 чети ржи, по осмине толокна, по полуосмине круп овсяных, по полуосмине солоду ржаного и овсяного на квас.¹⁴²

До 1601 г. средняя норма выдачи денежного обеспечения была выше одного рубля («годового за платье» давалось монастырским людям 460 руб. 27 алтын с деньгой, а их было 401 человек). Отсутствие именных списков монастырских людей в расходных книгах XVI в. не позволяет, однако, определить размеры денежной оплаты монастырских людей в эти годы.¹⁴³

Смета не дает возможности установить, каким способом выдавалось хлебное натуральное содержание. Из других источников узнаем, что первоначальной формой выдачи содержания была общая трапеза монастырских людей. На это указывают некоторые отрывочные данные кормовых книг. Так, «в субботу мясопустную корм из шегнуши: квасу чаша медвяная, а другая ячная, двои пироги, а людем дают за пиво по 3 чаши полуяную. Людям дают мясо на обед и на ужин, едят на дворце».¹⁴⁴ Монастырские люди получали пищу не только во дворце, но и в монастырской трапезе.¹⁴⁵ В келарских обиходниках перечислялся корм, выдававшийся монастырским людям при выполнении ими различных работ на монастырь.¹⁴⁶

Общая трапеза для монастырских людей была, по-видимому, первоначально обычным способом их содержания в общежительных монастырях. Такой порядок существовал в Иосифо-Волоколамском монастыре, что видно из духовной грамоты Иосифа. Как было указано выше, общая трапеза для монастырских людей существовала в Иосифо-Волоколамском монастыре и во второй половине XVI в. В Троице-Сергиевом монастыре трапеза была также обычным способом содержания, сохранившимся до 1642 г.¹⁴⁷

Наряду с трапезным содержанием в Кирилло-Белозерском монастыре рано встречается и выдача хлеба натурой. Уже в ке-

¹⁴² Исходя из цен на эти продукты по материалам исследования А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.» (М.—Л., 1951), стоимость натурального обеспечения равнялась примерно 2 руб. в год на человека.

¹⁴³ Это можно сделать только для начала XVII в., так как за это время в расходных книгах приводятся именные списки монастырских людей. Однако в этих списках очень редко отмечалась специальность отдельных монастырских работников.

¹⁴⁴ Рукопись ГПБ, Кирилл. 68—1307, л. 42; см. еще: Кирилл. 93—1331, л. 68 об.; Соф., 1150, л. 138.

¹⁴⁵ «Едят и пьют в трапезе» (Соф. 1150, л. 72 об.).

¹⁴⁶ Временник ОИДР, кн. XXII, «Смесь», стр. 12.

¹⁴⁷ Арсений, ук. соч., стр. 57 — монастырским людям давались «хлебы недельные и братцкая ества».

ларском обиходнике упоминается «месячина», получаемая находящимися на Шатрецком езу монастырскими людьми.¹⁴⁸ В расходных книгах находим указание на выдачу хлеба натурой монастырским людям, находившимся в отдельных монастырских селах.

В конце XVII в. «отсыпной хлеб» (месячина) становится уже общей нормой для большинства монастырских людей. За столом монастырские люди кормились только во время пребывания их на монастырских службах. Источники не дают возможности в точности установить, когда совершился переход монастырских людей на месячину. Возможно, что это стояло в связи с появлением монастырских слобод.

Оброчные книги Иосифо-Волоколамского монастыря позволяют ближе ознакомиться с характером оплаты труда монастырских работников как раз за те годы, за которые мы почти не имеем данных по Кирилло-Белозерскому монастырю. Тот средний оклад денежного обеспечения «за платье» — 1 руб. на год, который был установлен сметой 1601 г. в Кирилло-Белозерском монастыре, с 1573 г. является высшим окладом годового оброка в Иосифо-Волоколамском монастыре (свыше 1 руб. в 1573 г., по 40 алт., получали лишь два работника: кочережник и седельник). Такая оплата вдвое превышает высший денежный годовой оброк, который получали монастырские люди в 1547—1559 гг. (полтину получали мастера, включая и плотников, большинство слуг молодых; выше этого оклада получали отдельные наиболее квалифицированные мастера в 50-х годах XVI в.).¹⁴⁹

Такое резкое повышение оброка обусловлено, по-видимому, ростом цен на ткани и одежду, в частности на шубы овчинные и сермяги в 70-х годах XVI в.¹⁵⁰ а, как известно, денежный

¹⁴⁸ «На Шатрец месячину дают, хто живет с осени монастырских людей: двема человеком осмина муки ржаной, пол осмины толочна, пол осмины солоду мелково, ковш круп овсяных, чашу потешенную, соли ковш, гороху ковш семени, 2 лопаты сорох, два хлеба братцких, 2 хлеба росхожих, полколачи» (Временник ОИДР, кн. XXI, «Смесь», стр. 14). В 1642 г. в Троице-Сергиевом монастыре вместо трапезы приказано было «месячной хлеб давати по осмине ржи, да по осмине овса на месяц человеку» (Арсений, ук. соч., стр. 57). (Далее месячный хлеб называется месячиной).

¹⁴⁹ Например, портной Друганя Васильев сын с 1557 г. Он назван ризничим, т. е. шил ризы. В 1552 г. 40 алт. получил кузнец Андрей Федоров сын, названный замошником. В 1559 г. крестечники Данила и Новак получили по 30 алт., Гаврилка — 25 алт. 1 руб. получал с 1554 г. старый конюх Истома Сычов сын Нешара.

¹⁵⁰ А. Г. Маньков, ук. соч., стр. 204, 213 — индексы цен на ткани, шубы овчинные и сермяги.

оброк и предназначался в первую очередь для оплаты стоимости одежды.

Из оброчных книг видно, что основной размер денежного оброка в 1 руб. или 1 руб. с добавлением на иглы, шила, струны, рукавицы в 1573/74 г. получали портные, сапожники, чулочники, кузнецы (последние с добавлением хлебного жалованья), плотники, мельник, стрельцы, конюхи, повара, рыболовы, островщики, детеныши.¹⁵¹ Ниже этой средней получали скатертник (с добавлением хлебного жалованья), истопники, сторожа, воловики.

Постепенно увеличивается высший оклад денежного оброка отдельным категориям работников, доходя в конце XVI в. для некоторых категорий работников до 2 и 5 руб.¹⁵²

Внутри отдельных категорий работников существовали разные оклады для работников разной квалификации. Наибольшее разнообразие окладов было среди конюхов (1 руб., 30 алт., полтридцать алтын, 20 алт. с гривной, полтина), поваров (1 руб., 30 алт., 20 алт. с гривной, 20 алт.), детенышей (1 руб., 30 алт., полтридцать алтын, 20 алт. с гривной, 20 алт.), истопников (полтина, 4 гривны, 30 алт., полтридцать алтын, 20 алт., 10 алт.).

Если обратиться к оплате труда детенышей, то с 1573 по 1581 г. они получают в качестве высшего оклада денежный оброк наравне с плотниками. С 1587 г. резко снижается их годовая оброк. Большинство детенышей, в том числе и давно работавшие в монастыре, начинают получать по 25 алт. (таких было 14 человек; 2 человека получают 20 алт. с гривной, 10 человек — 20 алт. и 11 человек — полтину). В дальнейшем двое из детенышей получают по 30 алт., а в 1593 г. один из детенышей (Калинка Жуль) — 1 руб., 13 — 30 алт., 28 — от 30 алт. без гривны до полтины.

¹⁵¹ В 1573/74 г. из 125 монастырских работников такой оброк получало 62 человека (49,6%), в 1579/80 г. из 99 человек — 69 (69,6%), в 1581/82 г. из 118 человек — 77 (65,2%).

¹⁵² В оброчной книге 1575/76 г. 40 алт. получают, кроме кочережника и седельника, один из кузнецов и токарь, 1 руб., кроме прежних, — еще сторож. В книге 1579/80 г. появляются новые оклады — 2 руб. и 1½ руб. 2 руб. получает большинство стрельцов, один из кузнецов, кожевник; 1½ руб. — старший из конюхов и кожевник; 40 алт., кроме прежних, — мельничный мастер и один из портных. В 1581/82 г. 40 алт. получает еще один из сторожей. В 1588, 89 г. высший оклад в 2 руб. получают дополнительно старший конюх, каменщик, один из сторожей; один из плотников получает 60 алт., оклад в 1½ руб. — один из портных; 40 алт. — два конюха, плотники, чулочник, повара. В 1592/93 г. встречаем оклад в 5 руб. для иконника. В 1593/94 г. 2 руб. начинает получать один из поваров, 1½ руб. — конюх.

Снижение денежного оброка детенышам надо ставить в связь с пересмотром содержания монастырских людей в эти годы. Возможность резкого снижения денежного содержания самой многочисленной группы работников еще более подчеркивает крепостнические черты в характере взаимоотношения монастыря и его работников. Экономические причины заставляли монастырских людей оставаться в монастыре, несмотря на снижение денежного оброка. Нельзя говорить о вольном рынке труда в отношении монастыря к своим постоянным работникам.

Гораздо меньше черт феодальной эксплуатации в отношениях монастыря к временным работникам, что отражалось и на их заработной плате. Так, в расходной книге 1579/80 г. записана выдача денег за работу по 12 алт. в неделю оstashковским плотникам, по 2 гривны! — луковским и зубцовским плотникам, наконец, прихожим детенышам новгородцам — по 2 алт. в неделю.¹⁵³ Если перевести эту плату на год, то в первом случае получится 12 руб. 26 алт., во втором — 10 руб. 13 алт. 2 деньги и в третьем — 4 руб. 4 алт. Все эти суммы значительно выше средней оплаты монастырских постоянных работников.

Как уже было отмечено выше, монастырские люди, помимо денежного оброка, получали пропитание в монастырской трапезе. Однако некоторые группы работников получали и хлебное жалованье. Так, кузнецы еще в 1573 г. в добавление к денежному оброку в 1 руб. получали по 2 чети ржи и по 2 чети овса в год (то же получал один из кузнецов в 1593 г. при окладе денежного оброка в 2 руб.). В 1593 г. такое же натуральное хлебное жалованье имели два плотника (один из них — Мосей Труфанов работал с 1581 г.; оба получали денежный оброк в 40 алт. и имели свои дворы в с. Покровском и дер. Пробоеве; Мосей Труфанов сын, как было указано выше, получил двор в с. Покровском в счет половины своего оклада).

Тех из работников, которые по роду своей деятельности совершенно были оторваны от крестьянского труда, монастырь вынужден был переводить на полное монастырское обеспечение. Так было сделано, как указывалось выше, в отношении рыболовов.

¹⁵³ Расходная книга 1574/80 г., лл 103—103 об., 104 об., 105, 107 об., 108.